

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Н.Г. ОСИПОВА, С.О. ЕЛИШЕВ

# СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В РОССИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ  
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ  
ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОГО  
ИССЛЕДОВАНИЯ

МОСКВА 2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ  
М.В. ЛОМОНОСОВА  
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Н.Г. ОСИПОВА, С.О. ЕЛИШЕВ

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО  
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В  
РОССИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ**

(АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ  
ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Москва 2020

УДК 316.34

ББК 60.56

О74

**О74**

Осипова Н.Г., Елишев С.О

Социальное неравенство в современном мире и в России глазами молодежи: аналитический отчет по результатам теоретико-эмпирического исследования. – М.: Перспектива, 2020. – 120 с.

ISBN 978-5-88045-469-3

Настоящая публикация отражает теоретические и прикладные результаты монографического исследования «Социальное неравенство в мире и России глазами молодежи», выполненного сотрудниками социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова доктором социологических наук профессором Н.Г. Осиповой и доктором социологических наук, профессором С.О. Елишевым при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России». Авторами детально проанализированы теоретико-методологические основы исследования социального неравенства в современной социологической теории и представлены результаты эмпирического исследования, проведенного среди российской молодежи, «Социальное неравенство в России и в современном мире».

Издание адресовано социологам, политологам, специалистам по работе с молодежью, а также представляет интерес для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-88045-469-3

© Н.Г. Осипова, С.О. Елишев, 2020

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ .....	7
1.1. Социальное неравенство в общей социологической теории: ключевые подходы .....	7
1.2. Диверсификация форм социального неравенства .....	24
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ .....	54
2.1. Общие представления молодежи о социальном неравенстве в России и в современном мире .....	54
2.2. Представления молодежи о различных видах социального неравенства и особенностях их проявления в России .....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	108

## ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которыми вплотную занимается социология, была и остается проблема социального неравенства. При этом как сама категория «социального неравенства», отражающая неравномерное распределение ценных благ и привилегий в обществе, так и формы его проявления в современном мире остаются предметом острой полемики среди ученых – обществоведов.

Происхождение власти, а вслед за ней – неравенства, основанного на неравномерном распределении благ и привилегий в обществе – постоянный предмет переживаний обычных людей, политической полемики и дискуссий в среде ученых. Политики обосновывали, оправдывали или критиковали неравенство с помощью идеологических построений, основанных на религиозных или светских источниках.

Например, элитарные идеологи обосновывали существование «избранных» божественным или природным происхождением. Они оправдывали более высокие социальные позиции и преимущества отдельных людей их приближенностью к Богу или принадлежностью к высшей расе, касте и т.п. Эгалитарные идеологи, наоборот, выступали против изначально заданного неравенства людей, проводили идею естественных и одинаковых прав и привилегий.

Так британский философ и политик Джон Локк в своем известном труде «Два трактата о правлении» полемизировал с политическим философом сэром Робертом Филмером, утверждавшим, что монархической власти и неравенство имеют божественное происхождение. Дж. Локк, опираясь на текст «Бытия» Ветхого Завета, утверждал, что с момента сотворения мира власть в нём никогда не была единоличной. Тем самым он выдвинул принцип «естественных, дарованных свыше (*Богом – Н.О.*) прав человека», таких как право на жизнь, свободу и собственность и доказал, что у человека есть естествен-

ная свобода: «Все, у кого одинаковые природа, умственные и физические способности, по природе равны и должны пользоваться теми же общими правами и привилегиями»<sup>1</sup>, – писал ученый.

Тема неравенства всегда присутствовала в политических доктринах и программах. Их авторы акцентировали неизбежность неравенства и даже утверждали его полезные социальные функции или, напротив, формулировали идеи равенства, требования выравнивания жизненных шансов, а также в этических теориях, трактующих равенство и неравенство как моральные ценности. Однако наибольшее развитие эта тема получила в социально-философских концепциях, включающих поиски источников неравенства в индивидуальных качествах человека или в социальных условиях его существования.

Представители индивидуалистических концепций нивелировали социальные причины этого общественного феномена и утверждали, что источником фактического неравенства людей являются, прежде всего, их личные качества. Так, индивиды от рождения обладают неравными талантами и способностями, их затем отличает неравный уровень мастерства, желание или нежелание упорно работать или стремиться к самосовершенствованию, что, в конечном счете, и приводит к неравенству. При этом большое внимание в рамках данных концепций уделялось составлению длинных списков индивидуальных причин нищеты. Наиболее распространенными среди них признавались невежество, моральная и телесная нечистоплотность, склонность к преступлениям, невоздержанность, алкоголизм. При этом попытки решения данной проблемы носили двоякий характер. С одной стороны, многочисленные благотворительные организации занимались оказанием адресной помощи нуждающимся людям, а также вели воспитательную работу, направленную на искоренение обозначенных социальных пороков. С другой стороны, широкую популярность получила евгеника – наука об искусственной селекции «достойных» членов общества.

<sup>1</sup> Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 188.

Сторонники социальных концепций исходили из следующей посылки: «источник социальных проблем нужно искать в политической и экономической системах общества»<sup>2</sup>. Под социальным неравенством они подразумевали «неодинаковый доступ к общественно ценным благам, вытекающий из принадлежности к различным группам, или из занятия различных общественных позиций»<sup>3</sup>. Источник социального неравенства они видели, прежде всего, в неравных отношениях собственности, изначально присущих народам и людям<sup>4</sup>, а затем – капиталистическому общественному строю, основанному на эксплуатации.

В результате развития подобных концепций не индивидуальные различия, а именно социальные корни и сущность этого феномена стали постоянным и особым предметом внимания социологов.

## ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

### 1.1. Социальное неравенство в общей социологической теории: ключевые подходы

Действительно, трудно назвать социолога, который в той или иной степени не затрагивал бы проблему причин социального неравенства. Несмотря на то, что в основе данного явления ученые выделяют различные факторы и оперируют отличными категориями, в истории социологии можно выделить два крупных теоретико-методологических подхода к его анализу – структурный и конструктивистский.

Согласно первому, структурному подходу, причины социального неравенства укоренены в социальной системе общества, раздираемого классовыми противоречиями. Соответственно, акцент ставился на неравном, в первую очередь, экономическом положении отдельных социальных классов в обществе, а единицей анализа выступал конкретный социальный класс и его характерные признаки.

Наиболее ярким представителем данного подхода является Карл Маркс, который подчеркивал высокую плодотворность применения концепции классов и классовой борьбы для анализа капиталистического общества, зародившегося в конце XVIII в.

Именно К. Маркс наполнил понятие «класс» четким экономическим содержанием и широко оперировал им для подтверждения неизбежности перехода от капитализма к социализму. В письме к И. Вейдемейеру, написанному в 1852 г., он так определил свой вклад в развитие представлений о классах: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими

<sup>2</sup> Ritzer G. Sociological Theory. McGraw-Hill International Edition, 2000. P. 31.

<sup>3</sup> Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 370.

<sup>4</sup> Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»<sup>5</sup>.

Основные классы данного общества выступают необходимыми «воплощениями, персонификациями» определенного способа производства, исполняя роли субъекта организации труда (и субъекта присвоения прибавочного продукта), с одной стороны, и субъекта непосредственного труда – с другой<sup>6</sup>.

Различие между классами, а именно – раба и рабовладельца, зависимого крестьянина и феодала, пролетария и буржуа – базируется у К. Маркса на классическом различии экономических источников доходов: капитал – прибыль, земля – земельная рента, труд – заработная плата. В данной связи общественный класс представляет собой прежде всего группу, занимающую определенное место в процессе производства.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс показывает, почему огромное множество людей, даже если они занимаются одинаковой экономической деятельностью и ведут одинаковый образ жизни, вовсе не обязательно представляют собой общественный класс. Так, общность деятельности, способов мышления и образа жизни – необходимое, но недостаточное условие существования общественного класса. Для вычленения класса необходимы: 1) осознание классового единства, 2) ощущение отличия от других классов и даже враждебности по отношению к другим общественным классам. Отдельные индивиды образуют класс лишь в той мере, в какой они должны вести совместную борьбу с другим классом.

«История до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу,

<sup>5</sup> Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

<sup>6</sup> См.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 452.

всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»<sup>7</sup>, – писал мыслитель.

Затем «классовый», а по существу, экономический подход к генезису социального неравенства был дополнен, а затем и вытеснен стратификационным подходом, получившим широкое признание и популярность.

В социологии принято считать, что основу стратификационного подхода к анализу социальной структуры общества заложил Макс Вебер в работе «Хозяйство и общество». Этот ученый рассматривал социальную структуру общества как многомерную систему, в которой наряду с классами и порождающими их экономическими отношениями, важное место принадлежит престижу и власти. Этот ученый полагал, что социальные страты, в отличие от классов, формируются в большей степени на основе статусных групп, которые выделяются по критерию социального престижа. И если классовая принадлежность – категория объективная, то статус зависит от оценок людьми социальных различий и определяется различными стилями жизни соответствующих групп<sup>8</sup>.

В наиболее развернутую концепцию социальной стратификации и, соответственно, обусловленного ей социального неравенства, разработал П.А. Сорокин. Этот ученый утверждал, что «общества без расслоения, с реальным равенством их членов – миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества»<sup>9</sup>. Происхождение неравенства он связывал с социальной стратификацией – «дифференциацией некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обя-

<sup>7</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.

<sup>8</sup> Батуренко С.А. Социальная стратификация и социальная мобильность: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 31.

<sup>9</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

занности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»<sup>10</sup>.

Согласно П.А. Сорокину, «социальная стратификация имеет место всегда, когда есть постоянный общественный образ жизни и социальное взаимодействие, как только появляются зачатки социальной организации. Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована»<sup>11</sup>, таким образом, социальная стратификация – это постоянная характеристика любого общества.

П.А. Сорокин утверждал, что само понятие страта, в силу многомерности признаков, объединяющих или разъединяющих людей, более точно, по сравнению с понятием класса, отражает социальную структуру общества с точки зрения его функционирования и изменения.

Он определял понятие класс как «общность людей, располагающих близкими позициями в отношении экономических, политических и профессиональных статусов»<sup>12</sup> и утверждал, что слово «класс», вполне приемлемое для широкого использования, становится неудовлетворительным при исследованиях социальной стратификации, особенно для выявления исключительных случаев. Достаточно часто оно сводится к «генерализации отдельных видов стратификации», «к гипертрофированным подчеркиваниям той или иной формы социальной стратификации под вывеской “социальный класс”»<sup>13</sup>.

Как отмечал П.А. Сорокин, «выражения типа “высшие и низшие классы”, “продвижение по социальной лестнице”, “его социальное положение очень высоко”, “они очень близки по своему социальному положению”, “существует большая социальная дистанция и т.п.” довольно часто используется

как в повседневных суждениях, так и в экономических, политологических и социологических трудах. Все эти выражения указывают на существование того, что можно обозначить термином *социальное пространство*»<sup>14</sup>.

Согласно П.А. Сорокину, социальное пространство есть особая система отношений, в которой каждый человек занимает свое особое место. Наделенное таким значением понятие социального пространства также имеет универсальный характер: оно применимо к объединениям индивидов любого масштаба и какого угодно уровня.

«Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб) в социальном пространстве отделены друг от друга громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой – в Китае) могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение»<sup>15</sup>.

«Для того, чтобы дать определение социальному пространству, – писал П.А. Сорокин, – необходимо вспомнить, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой «вселенной», в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта, выбранного «за точку отсчета». Как только такие ориентиры установлены (будь то Солнце, Луна, Гринвичский меридиан, оси абсцисс и ординат), мы получаем возможность

<sup>10</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

<sup>11</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

<sup>12</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

<sup>13</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

<sup>14</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

<sup>15</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297.

определить пространственное положение всех физических тел, сначала относительно этих точек, а затем – относительно друг друга»<sup>16</sup>.

«Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, *определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчета*. Сам же выбор точек отсчета зависит от того, являются ли ими отдельные люди, группы или совокупности групп»<sup>17</sup>.

Для того, чтобы определить социальное положение человека, – подчеркивал П.А. Сорокин, – «необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. <...> «поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени»<sup>18</sup>.

Данные послышки П.А. Сорокин резюмировал следующим образом:

«1) социальное пространство – это народонаселение Земли;

2) социальное положение (*индивида – Н.О.*) – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами;

3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей;

4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида»<sup>19</sup>.

«Эвклидово геометрическое пространство трехмерно. Социальное же пространство многомерно, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (... по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны ..., и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры»<sup>20</sup>.

Для описания общей концепции социального пространства и его параметров П.А. Сорокин ввел понятие социальной стратификации «как постоянной характеристики любой организованной социальной группы»<sup>21</sup>.

Социальная стратификация, по П.А. Сорокину, «это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании в обществе высших и низших слоев (страт). Ее основа и сущность – в неравномерном распределении

<sup>19</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.

<sup>20</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.

<sup>21</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 304.

<sup>16</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

<sup>17</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

<sup>18</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 299.



прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»<sup>22</sup>.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием *экономического расслоения* независимо от того, организовано оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затуманить реальность фактов экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании более богатых или бедных слоев населения.

Аналогичным образом, если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, начальники, управляющие) это означает, что такая группа *политически дифференцирована*, чтобы она ни провозглашала в своей конституции или декларации.

Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду деятельности, занятиям, а некоторые профессии считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и подчиненных, то такая группа *профессионально дифференцируется*. Это имеет место независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли

им руководящие должности по наследству или, благодаря их личным качествам<sup>23</sup>.

Этот ученый утверждал, что «все эти формы социальной стратификации тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот. Представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Неимущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии. Таково общее правило, хотя существует и немало и исключений»<sup>24</sup>. Таким образом, по П.А. Сорокину эти формы стратификации совпадают друг с другом лишь частично, то есть до определенной степени, а реальная картина социальной стратификации любого общества очень сложна и путана<sup>25</sup>.

Согласно П.А. Сорокину, социальная стратификация, изменяясь по форме, существовала во всех обществах, провозглашавших равенства людей. «Феодализм и олигархия продолжают существовать и в науке, и в искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравнивателей – словом – повсюду»<sup>26</sup>. В то же время он утверждал, что социальная стратификация отнюдь не одинакова качественно и количественно во всех обществах: «реальная картина социальной стратификации любого общества очень сложна, а конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены. Однако взаимозависимость трех форм со-

<sup>23</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302 - 303.

<sup>24</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

<sup>25</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302 - 303.

<sup>26</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 307.

<sup>22</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 302.

циальной стратификации далека от совершенства, ибо различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени»<sup>27</sup>, – писал этот социолог.

В современной социологии под понятием социальная стратификация понимают «социальную дифференциацию людей, выражающую их социальное неравенство по доходам, образованию, участию во власти, общественному престижу, самоидентификации и другим объективным критериям и основанное на этом неравенство, иерархическое ранжирование их статуса и роли в обществе и его подсистемах»<sup>28</sup>.

Социальная страта, как и класс, выделяется на основе особо значимой в представлении определенного круга людей или общества характеристики. Эта характеристика, проходя через личностное освоение (люди идентифицируют себя с ней, добиваются ее), детерминируется социальными нормами и поддерживается общим консенсусом.

Однако исследователи разграничивают классовую и стратификационную структуру общества и утверждают, что это разные структуры социальных отношений. Так, российский социолог О.И. Шкаратан приводит интерпретацию этих структур Р. Дарендорфом, В. Хофманом и И. Краусом.

«С точки зрения Р. Дарендорфа, страты образуют иерархическую систему (иерархический континуум), отличаясь друг от друга постепенными различиями. “Класс” – это всегда категория для целей анализа динамики социального конфликта и его структурных корней, и поэтому он может быть четко отделен от страты как категории для описания иерархических систем в данный момент времени.

В. Хофман утверждал, что социальные классы детерминируются фундаментальными социальными отношениями труда и присвоения; видимая си-

стема стратификации (профессия, престиж и т.д.) принадлежит к внешней форме социальной жизни.

Согласно И. Краусу, стратификация – понятие описательное, подразумевающее некую упорядоченность членов общества на основе какого-нибудь подходящего критерия, вроде дохода, образования, образа жизни, этнического происхождения. Классы же являются конфликтными группами, которые объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей. Классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц»<sup>29</sup>.

В целом теории классов, ранжируют группы общества строго по вертикали, как правило, по альтернативным, часто антагонистическим признакам, в зависимости от противоположности интересов. Стратификационные теории основываются на признании определенных различий между людьми, которые приводят их к слоевому размещению в социуме по различным линиям социальной дифференциации. Подобное отличие дает возможность некоторым авторам, например, Э. Гидденсу утверждать, что «классы и классовое деление есть частный случай стратификации»<sup>30</sup>.

Социологи приводят ряд аргументов в пользу того, что классы и классовое деление является частным случаем стратификации.

Во-первых, в истории обществ существовало не только классовое, но и кастовое и сословное разделение. Во-вторых, все попытки жестко поделить общество на противоборствующие классы оказывались неудачными в силу обнаружения групп населения, не относящихся к конкретным классам, образующих «мозаику слоев, сословий и других единиц»<sup>31</sup>.

Тем самым «обобщающим понятием для изучения и понимания неравных отношений между людьми по поводу распределения власти, собственно-

<sup>27</sup> Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303.

<sup>28</sup> Староверов В.И. Стратификация социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 504.

<sup>29</sup> Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 43.

<sup>30</sup> Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

<sup>31</sup> Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

сти, престижа, присвоения (или использования – Н.О.) всех видов ресурсов является социальная стратификация»<sup>32</sup>.

Тогда **социальное неравенство** – это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей.

Следует отметить, что в конце XX – начале XXI в. в социологии структурный подход, достаточно часто укорененный в объяснительных схемах «единого фактора»<sup>33</sup>, как правило – экономического, был потеснен новым социально-конструктивистским методологическим трендом. Так, вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как сами люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Согласно методологии социального конструктивизма, структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих не более чем «структурирующим» основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства.

Тем самым имел место разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство с помощью практик повседневности. Одной из таких, наиболее часто встречающихся практик, является практика стигматизации.

Категорией стигма обозначают, согласно И. Гофману, «недостаток, увечье, дефект»<sup>34</sup>, «какое-то постыдное индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него»<sup>35</sup>.

Стигма, согласно Гофману, является основанием для дискриминации и соответственно способствует уменьшению жизненных шансов индивида. Стигматизирование осуществляется на основе конструирования «теории стигмы, то есть символической категоризации» или идеологии, призванной обосновать «неполноценность и объяснить опасность», которую несет носитель стигмы, т.е. стигматизируемый, а также оправдать «враждебность» по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу.

В древности практики стигматизации служили опознавательными стигмами «свой – чужой» и появились как первичные формы различия и дифференциации, с одной стороны, и внутренней консолидации – с другой. В современности востребованы практически все они, особенно те, которые связаны с такими основаниями включения/исключения как религия, раса, этнос, половая принадлежность<sup>36</sup>.

На наш взгляд, стратификационный подход к причинам социального неравенства, является наиболее разработанным и соответственно, продуктивным для его анализа.

В отличие от классов, страты достаточно часто формируются по признакам, связанным с культурно-психологической оценкой (нормы, ценности, представления, образцы поведения и навыки), которые реализуются в индивидуальном поведении и сознании и вместе с тем приобретают ярко выраженный интересубъективный характер. В силу этого социальное расслоение иногда называют социокультурным расслоением, так

<sup>34</sup> Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М.С. Добряковой. С. 2-3. [www.HSE.ru/Data2011/11/15](http://www.HSE.ru/Data2011/11/15).

<sup>35</sup> Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М.С. Добряковой. С. 2 - 3. [www.HSE.ru/Data2011/11/15](http://www.HSE.ru/Data2011/11/15). С. 3.

<sup>36</sup> Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. 24. № 4. С. 7 – 25.

<sup>32</sup> Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.

<sup>33</sup> О теориях «единого фактора» смотри: Сорокин П.А. О причинах войны, об империализме, о теории факторов народничества и многом другом // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб: Алетейя, 2000. С. 28.

как социальные и культурные аспекты в нем тесно переплетены.

Социальной стратификации присущ ряд системных характеристик или свойств, прежде всего, социальность и традиционность.

Так, стратификация – это социальное, а не биологическое явление, поскольку такие чисто биологические признаки как пол, возраст, здоровье и даже психические свойства личности, хотя сами по себе достаточно важны, не объясняют, почему одни позиции дают людям обладание большей властью, собственностью и престижем, чем другие. Например, более образованные и опытные люди доминируют в социуме, хотя они могут быть физически слабыми или даже больными. «Социальность» стратификации подразумевает, что распределение благ в любом обществе основывается на нормах или на общепризнанных правилах, с которыми соглашается большинство членов общества, хотя многие из них и находятся на нижних ступенях социальной иерархии.

Традиционность стратификации выражается в том, что на протяжении всей истории человеческой цивилизации неравенство положения различных групп людей (богатых и бедных, властвующих и зависимых) остается относительно стабильным, поскольку социальное неравенство является универсальным социальным феноменом<sup>37</sup>.

Следует отметить, что ключевым понятием, которое традиционно использовали основоположники стратификационного подхода к анализу социальной структуры общества, является «социальный статус» или «социальная позиция».

В широком смысле род социальным статусом понимаются «структурные элементы социальной организации общества, обеспечивающие социальные связи между субъектами общественных отношений»<sup>38</sup>. На самом деле любой человек занимает много позиций в обществе, которые не всегда можно ранжировать по их значимости. При этом каждая из социальных позиций,

которая определяет место индивида в иерархически организованной системе и налагает на это место определенные права и обязанности, и есть «статус»<sup>39</sup>.

Современная теория социальной стратификации основана на постулате о неравных социальных статусах, лежащих в основе социального расслоения. Где бы ни возникла социальная среда, она всегда оказывается определенным образом организованной, то есть одни люди выступают в качестве лидеров, другие – исполнителей; в ней есть более, а есть менее уважаемые члены сообщества; в зависимости от социального статуса распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой иерархизированной шкалы отношений невозможно эффективное взаимодействие, а любой вид деятельности непродуктивен.

В целом в современных концепциях социальной стратификации социальные страты выстраиваются вдоль некоторой шкалы социального неравенства по какому-либо одному критерию (одномерная социальная стратификация) или по нескольким критериям (многомерная социальная стратификация).

Исследователи выделяют важнейшие дифференцирующие признаки, которые влияют на процесс образования страт.

Во-первых, это признаки, связанные с экономическим положением людей, – наличием у них собственности, источниками и величиной доходов, общим уровнем материального благосостояния. В соответствии с этими признаками выделяются следующие слои: крупные, мелкие и средние собственники; высокооплачиваемые и низкооплачиваемые люди; богатые, зажиточные, бедные и нищие и т.п.

Во-вторых, это признаки, связанные с разделением труда и профессиональной принадлежностью, а именно – со сферой приложения, видами и характером труда, иерархией профессий в том или ином социуме, уровнем квалификации и профессиональными навыками, профессиональным образованием; соответственно выделяются слои работников, занятых тяжелым физи-

<sup>37</sup> Радаев В.В., Шкаратаган О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 46 - 47.

<sup>38</sup> Яковлев А.М. Статус социальный // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 502.

<sup>39</sup> Радаев В.В., Шкаратаган О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 27 – 28.

ческим трудом, работников умственного труда и т.п.

В-третьих, это признаки, связанные с объемом властных полномочий, в рамках которых формируются разная степень и неодинаковый объем возможностей оказывать влияние на окружающих через должностное положение виды и формы управленческой деятельности, обладание социально значимой информацией и т.п. Соответственно выделяются слои рядовых работников, менеджеров среднего звена и управленцев высшего эшелона.

В-четвертых, это признаки, связанные с социальным престижем, авторитетом, влиянием, эмпирическими референтами которых могут выступать личные качества оцениваемых людей, их позиции по тем или иным вопросам, хотя немалое значение приобретает и их положение, занимаемое в престижной иерархии. Так, выделяются различные слои общественных деятелей, деятелей в области науки, культуры и искусства.

Следует отметить, что в современных моделях социальной стратификации, в том числе и в российских, первостепенное внимание уделяется неравенству представителей разных страт в обладании политической властью.

На перечисленных базовых признаках обычно основано стратификационное деление в современном обществе. Наряду с этим существует целый ряд переменных, роль которых в стратификации может либо выступать в скрытой форме, либо варьировать в зависимости от целого ряда обстоятельств. К ним относятся: этнические особенности; религиозная принадлежность; культурно-мировоззренческие позиции; семейные отношения, место проживания и т.п.

Для всех слоев общества характерны определенные формы потребления материальных и культурных (духовных) благ, специфический образ жизни, поэтому существует целый ряд признаков, которые позволяют судить об этой стороне стратификации.

Во-первых, это признаки, свидетельствующие об уровне потребления так называемых «жизненных благ» – регион (район) проживания, размеры и тип жилища, места отдыха, качество медицинского обслуживания, способы

проведения досуга и т.п.;

Во-вторых, это признаки, свидетельствующие о потреблении культурных благ: объем и характер полученного образования, разных видов получаемой социальной информации и потребляемой культурной продукции и т.п.

В-третьих, это признаки, характеризующие воспроизводство семейных отношений. Их показателями является тип домашнего хозяйства, формы домашнего воспитания детей, их школьное и вузовское образование, мужские и женские семейные роли и др.

В-четвертых, признаки, характеризующие неформальные связи: круг общения, характер дружеских связей, нормы неформального общения и др.

В действительности социальное положение каждого человека в системе социальной стратификации определяется комбинацией множества признаков, а также является результатом целого ряда факторов и условий жизни. По мере углубления исследований стратификации подтвердилось положение П. Сорокина о том, что страта, выделенная по одному критерию, одновременно характеризуется целым набором связанных между собой эмпирических показателей. Следовательно, выделение социального слоя на основании одного или двух признаков приводит к крайнему упрощению стратификационного деления.

Особенно это некорректно по отношению к современному обществу, в котором процессы социальной стратификации выступают как исключительно многомерное явление, обладающее огромным регистром социального оценивания и размещения индивидов и групп в широком диапазоне своеобразной нормативной шкалы (или целого ряда шкал), социальных статусов, ролей, оценочных позиций.

Так, при целостном анализе стратификации с учетом образа жизни на первый план выходят такие компоненты, как образование, профессия, объем доходов, район жительства и тип жилья, способы проведения досуга и т.п., но и доступ к знаниям и социально значимой информации становится основным ресурсом социальной динамики такого общества, и, следовательно, кри-

терием социальной стратификации, показателем социального положения людей.

## 1.2. Диверсификация форм социального неравенства

В центре дискуссий, которые ведут ученые по всему миру, безусловно, находятся многочисленные проблемы, связанные с экономическим неравенством.

Большинство исследователей, в качестве преимущественной формы проявления глобального социального неравенства рассматривает именно неравенство ресурсное, которое нередко отождествляет с экономическим неравенством. Подобное неравенство достаточно наглядно проявляет себя в соотношении численности богатого и бедного населения какой-либо страны.

Экономическое неравенство, которое разделяет общество на «богатых» и «бедных», изначально основано на неравном обладании материальными ресурсами. Богатые люди обладают высокими доходами и собственностью, с помощью которых получают больше власти и влияния. Хотя у них нет абсолютного влияния, их влияние значительно больше, чем влияние среднестатистического гражданина в какой-либо стране. Богатство также облегчает доступ и к другим благам нематериального характера, например, – образованию и медицинской помощи, в отношении распределения которых также существует серьезное социальное неравенство. Бедные люди характеризуются явным недостатком имеющихся у них материальных ценностей и денежных средств, необходимых для поддержания полноценной жизнедеятельности.

Традиционно индикатором бедности, особенно для экономистов, служило сопоставление среднедушевого дохода с прожиточным минимумом, принятым в конкретном обществе, - то есть со стоимостью минимальной корзины, формируемой с учетом установленных нормативов потребления. Современные социологи трактуют бедность как многомерный и кумулятивный (совокупный) процесс взаимодействия и взаимовлияния различных фак-

торов. Такие факторы как безработица и ситуация на рынке труда по-прежнему остаются в центре их внимания, но уже наряду с другими переменными, в числе которых низкий уровень образования, семейное положение, инвалидность, слабое здоровье, отсутствие жилья и т.п.<sup>40</sup>

Вопросы экономического неравенства находятся в центре дискуссий, ведущихся по всему миру экономистами, социологами и представителями многих других наук. Для оценки различий в рамках экономического неравенства учеными применяется система экономических показателей - нормативных потребительских бюджетов, включающих:

- прожиточный минимум (ПМ);
- минимальный потребительский бюджет (МПБ);
- бюджет высокого достатка (БВД).

Эти показатели позволяют идентифицировать бедных (с доходами ниже ПМ), низкообеспеченных (с доходами выше ПМ, но меньше МПБ), средних (с доходами выше МПБ, но ниже БВД), а также состоятельных и богатых людей с доходами выше БВД.

Степень неравенства в распределении доходов измеряется кривой Лоренца, которая показывает, какая часть общей суммы доходов идет разным по уровню материального достатка слоям населения. Концентрацию денежных доходов выражает коэффициент Джини – количественный показатель, показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов, разработанный итальянским экономистом, статистиком и демографом Корrado Джини. Чем выше неравенство в распределении доходов, тем больше коэффициент приближается к единице (абсолютное неравенство). И чем выше равенство в распределении доходов, тем меньше данный коэффициент. При абсолютном равенстве он достигает нуля.

Коэффициент Джини рассчитывается по формуле:

<sup>40</sup> Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 40.

$$K_G = 1 - 2 \sum_{i=1}^n x_i \text{cum } y_i + \sum_{i=1}^n x_i y_i$$

где

$x_i$  – доля населения, принадлежащая к  $i$ -й социальной группе в общей численности населения;

$y_i$  – доля доходов, сосредоточенная у  $i$ -й социальной группы населения;

$n$  – число социальных групп;

$\text{cum } y_i$  – кумулятивная доля дохода.

Страной, которую также отличают определенные особенности в сфере социального неравенства, обусловленные глобальной экспансией западных образцов социального поведения и неолиберальных ценностей, безусловно, является Россия.

Перед международными финансовыми организациями, представители которых буквально наводнили нашу страну после распада СССР, вовсе не стояли задачи скорейшего оздоровления экономики этой страны. Основной целью было «спровоцировать» страну на новые заимствования, поставить ее в зависимость от диктата международного капитала. Радикальная либерализация, проводимая российским правительством в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда, и оцененная специалистами как начало «эры хамского рынка»<sup>41</sup>, привела к тому, что отечественную экономику охватил перманентный кризис, протекающий на фоне беспрецедентного по масштабам и темпам падения промышленного производства<sup>42</sup>, следствием которого стали и беспрецедентные масштабы социального неравенства.

Так, например, в России, «согласно официальной статистике, в 2017 г. численность бедного населения достигла 19,7 млн человек, еще 10% находи-

лись на границе бедности. И тенденции пока не обнадеживают: согласно Росстату, реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе – сентябре 2017 г. снизились на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года»<sup>43</sup>.

Сегодня глобализация, которая поддерживает «первенство самых богатых стран в мировых делах»<sup>44</sup>, влечет за собой воспроизводство социального неравенства и крайне несправедливых социальных отношений в глобальном масштабе, результатом которых стало увеличение неравенства, основанное на несправедливом распределении ресурсов между странами<sup>45</sup>.

Однако, наряду с экономическим неравенством, которое проявляется как в глобальном масштабе, так и на локальном уровне, существовали и до сих пор продолжают существовать другие традиционные виды социального неравенства. Это гендерное неравенство, расовое и этническое неравенство, неравенство по религиозному признаку и т.п.

Наиболее распространенным из них до сих пор остается гендерное неравенство – неравномерное распределение материальных и социальных благ по признаку принадлежности людей к мужскому или женскому полу. Значительный вклад в постановку проблемы гендерного неравенства внесли классики социологической науки – Ф. Энгельс и Дж. Ст. Милль.

Так, Ф. Энгельс, в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» изложил теорию патриархального господства. Согласно Ф. Энгельсу, в примитивных обществах женщина была свободной и занимала почетное положение в племени – именно по материнской линии велось родство и осуществлялось право наследования, так называемое «материнское право». «Ниспровержение материнского права, (вызванное целом рядом причин – Н.О.) было *всемирно-историческим поражением*

<sup>43</sup> Александрова О.А., Ярошева А.В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // народонаселение. 2018. Том 21. № 1. С. 5.

<sup>44</sup> Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 25 – 26.

<sup>45</sup> Смотри подробнее: Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. 2018. № 5 – 6 (164 – 165). С. 1 – 12.

<sup>41</sup> См.: Кляйн Н Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М.: Добрая книга, 2009. С. 321-340.

<sup>42</sup> См.: Россия в цифрах. М.: Статиздат, 2000. С. 115.

женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почётного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это принижённое положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – ещё более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено»<sup>46</sup>.

По мнению Ф. Энгельса, первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в патриархальной семье. Её главной характерной чертой является «организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчинённую отцовской власти главы семьи»<sup>47</sup>. Такая форма семьи, (здесь Ф. Энгельс апеллирует к высказыванию К. Маркса – Н.О.) «содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество, содержит в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»<sup>48</sup>.

О глубокой социальной несправедливости патриархального уклада, связанного с полной подчиненностью женщины, писал выдающийся британский философ и социолог Дж. Ст. Милль в своем сочинении «Подчиненность женщины»: «<...> принцип, которыми управляются общественные отношения между полами, то есть легальная подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет ныне одно из главных препятствий к прогрессу человечества, и что его следует заменить принципом полного равенства, не допускающим власти, ни преимуществ с одной стороны, ни воспрещений с другой»<sup>49</sup>.

<sup>46</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

<sup>47</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

<sup>48</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. С. 60. <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html> (Дата обращения; 11.08.2020).

<sup>49</sup> Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Перевод с англ. С предисловием Николая Михайловского и приложением писем О. Конта к Д.С. Миллю по женскому вопросу. Санктпетербургъ: Изд-е книгопродавца С.В. Звонарева, 1869. С. 1 – 2.

Согласно Дж. Ст. Миллю, «<...> принятие этой системы неравенства (между мужчиной и женщиной – Н.О.) никогда не было результатом обсуждения, предусмотрительности, или каких-либо социальных идей, или понятий насчет того, что лучше всего может повести к пользе человечества или благоустройству общества. Система эта возникла просто на просто из того факта, что с самой ранней доисторической поры человеческого общества, каждая женщина (вследствие цены, придаваемой ей мужчиной, в соединении с ее меньшей физической силой) оказывалась в рабском состоянии относительно какого-нибудь мужчины»<sup>50</sup>.

Таким образом, все идеи предыдущего «золотого века» семейной жизни, когда дети росли в стабильных гармоничных семьях, оказались совершенно несостоятельными. К примеру, многие политики и комментаторы сравнивают современные семьи с кажущейся стабильностью семей Викторианской эпохи. Однако, как отмечают специалисты, несмотря на то, что период правления Виктории стал временем беспрецедентных для истории Великобритании перемен, устои общества в Викторианскую эпоху оставались неизменными. В чести были трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность, хозяйственность. Но и среди негативных черт, так часто высмеиваемых на страницах английской литературы того периода, <...> было крайнее пуританство в семейной жизни, порождавшее лицемерие и чувство вины<sup>51</sup>.

Так, в Англии XIX века показатели смертности были высоки, средняя продолжительность брака составляла менее 12 лет, а более половины детей в возрасте до 21 года теряли по крайней мере одного родителя. Дисциплина в викторианских семьях основывалась на довольно строгих правилах и семейных наказаниях, что сегодня совершенно неприемлемо для большинства людей. В среднем классе большая часть замужних женщин была так или иначе

<sup>50</sup> Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Перевод с англ. С предисловием Николая Михайловского и приложением писем О. Конта к Д.С. Миллю по женскому вопросу. Санктпетербургъ: Изд-е книгопродавца С.В. Звонарева, 1869. С. 11.

<sup>51</sup> Иванова С. Викторианская эпоха в истории Великобритании // [Historicus.ru/795](https://Historicus.ru/795) (Дата обращения: 10.08.2020).



привязана к дому, в то время как многие «респектабельные» мужчины наносили визиты проституткам и с завидной регулярностью посещали бордели. Повсеместно был распространен и детский труд. Историческая социология вполне уместно напоминает о том, что наша отвечающая здравому смыслу историческая память на самом деле очень часто нереалистична и ностальгична<sup>52</sup>.

Конечно, несмотря на то, что сегодня женщинам предоставлены равные с мужчинами политические права, гендерное неравенство продолжает существовать в экономической сфере и в рамках распределения обязанностей внутри семьи. Как отмечала в свое время одна из активисток женского движения Ш. Гилман в отношении женщин: «семья не может быть убежищем от тирании - в семье нет ни свободы, ни равенства, там правит доминирующий над всеми отец, дети подавляются родителями, зависимость от которых формирует у детей отрицательные качества<sup>53</sup>. Достаточно часто это происходит по причине еще существующих предрассудков и культурных стереотипов в отношении типично мужских и женских ролей, которые до сих пор поддерживаются СМИ<sup>54</sup>.

Следует отметить, что во многих странах гендерное неравенство, дискриминирующее женщин, поддерживается религиозными традициями. Так, в свое время полностью дискриминировал права женщин в Афганистане режим Талибов. Им запрещалось не только модно одеваться и носить украшения, но и получать образование, где-либо работать (за исключением медицинских учреждений для женщин)<sup>55</sup>.

У неоваххабитов женщинам не разрешается работать (кроме как в окружении женщин); им нельзя водить машину, не дозволяется выходить из

дома без сопровождения мужчины – старшего члена семьи. Лицам женского пола запрещено участвовать в каких-либо государственных мероприятиях или в процессе принятия решений, даже если они касаются их самих. Они могут подвергаться телесным наказаниям, а также обязаны закрывать лицо паранджой<sup>56</sup>.

В Индии до сих пор иногда практикуется официально запрещенный обряд ритуального сожжения вдов – «сати», который рассматривается в качестве «высшей духовной жертвы». Так, в научной литературе приводится случай самосожжения<sup>57</sup>, когда красивая женщина, не достигшая даже 18 лет, взошла на погребальный костер вслед за своим 24 летним мужем, умершим от гастроэнтероколита<sup>58</sup>. Место расположения этого погребального костра стало святыней, привлекавшей в течение последующего года тысячи верующих. Паломники прибывали пешком, на телегах, запряженных верблюдами, на переполненных частных автобусах, в которых люди вывешивались из окон и ехали даже на крышах. На месте погребального пепелища появилось более 800 придорожных кабинок, продававших подарки, закуски, игрушки, кокосовые орехи и ладан, – наряду с коллажами фотографий улыбающихся в огне супругов<sup>59</sup>.

В некоторых странах Африканского континента еще бытуют средневековые представления, связывающие с колдовством именно женщинами. Так, на западе Кении в небольшой деревушке Ниакео, расположенной в 300 километрах от столицы страны Найроби, в мае 2008 г. были сожжены заживо 15 женщин. Обвинив несчастных в колдовстве, разъяренная толпа сельчан связала их и бросила в огонь. Местная полиция

<sup>52</sup> Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Издательский дом высшей школы, 2018. С. 197.

<sup>53</sup> Gilman C. P. Women and Economics (1898) – New York, 1966. P. 176.

<sup>54</sup> Смотри об этом: Осипова Н.Г. Женщины в средствах массовой информации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 695.

<sup>55</sup> Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 148.

<sup>56</sup> См. об этом: Oliveti V. Terror's Source. The Ideology of Wahhabi-Salafism and its Consequences. Birmingham: Amadeus Books, 2002.

<sup>57</sup> Этот случай произошел 4 октября 1987 г. в деревне Деорала (Deorala) около Джайпура (штат Раджастан, Индия).

<sup>58</sup> Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 95.

<sup>59</sup> См. об этом: Hawley J. Hinduism: Sati and its Defenders // Fundamentalism and Gender / J.S.Hawley (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1994; Sakuntala N. Sati: A Study of Widow Burning in India. New Delhi: HarperCollins, 1998.

провела расследование инцидента, однако найти виновных не удалось<sup>60</sup>.

В странах Западной Европы и в США, где у женщин гораздо больше прав и автономии, до сих пор сохраняются отдельные элементы гендерного неравенства.

Во-первых, женщин гораздо чаще, чем мужчин используют на временной работе. Женщины, занятые временно или частично, составляют 65% всех низкооплачиваемых рабочих<sup>61</sup>.

Во-вторых, женщины обычно зарабатывают меньше, чем мужчины. Например, в 2002 г. в США, на каждый доллар, заработанный мужчиной, женщина получала 74 цента. Врачи – мужчины получали в год 140000 дол. США, в то время как врачи – женщины всего 88000 дол. США (или 63%)<sup>62</sup>, юристы – мужчины – 90000 дол. США в год, а юристы – женщины – всего 66000 дол. США (73%). Служащие высшего звена – мужчины – 95000 дол. США, а женщины – 60000 дол. США (63%)<sup>63</sup>.

В-третьих, уровень женской безработицы гораздо выше среднего<sup>64</sup>.

В-четвертых, в рамках каждой, требующей высокой квалификации профессии, существуют негласные ограничения на профессиональный рост женщин<sup>65</sup>.

Еще одним традиционным, но достаточно распространенным в настоящее время видом неравенства является **расово/этническое** неравенство, обусловленное биологическими и социокультурными различиями людей. Так, вид неравенства, основанный на различном отношении к людям, в зависимости от их расовой принадлежности, нашел отражение в расизме. Расизм определяется как «учение о том, что поведение человека детерминировано постоянными врожденными свойствами, объясняющимися его принадлежно-

стью к одной из рас, имеющих свои отличительные черты и, как правило, находящиеся друг с другом в отношениях высших/низших»<sup>66</sup>.

Расистские представления основаны на том, что существуют коренные генетические различия между людьми, населяющими нашу планету и эти генетические различия накладывают отпечаток на культурные, интеллектуальные и моральные характеристики людей, делая их политически или социально значимыми. Таким образом, расизм постулирует существование отдельных «рас» и предполагает негативную оценку одной или нескольких из них.

Обычно расизм связывают с представлением об исключительном превосходстве белой расы, которое охотно развивают различного рода фашистские группировки.

Однако выводы относительно белого и черного цвета кожи, прямо противоположные тем, что приняты в социальной системе, основанной на превосходстве белых, активно пытаются легализовать представители «черного национализма». У представителей «черного национализма» нет необходимости прибегать к клевете на белый цвет кожи как таковой, но они как будто бы всегда стремятся воспринимать черный цвет кожи как эмблему чего-то достойного уважения или восхищения. Как отмечают исследователи, в этом кроется один из источников привлекательности «черного национализма» для чернокожих людей, и это же помогает объяснить его живучесть<sup>67</sup>.

При этом «черные националисты» видят много общего, что объединяет всех черных, особенно, афроамериканцев. В их числе общая биологическая сущность, общая историческая родина (Африка), общая история страданий и унижений, обусловленная расовой идентичностью; общая культура, общая заинтересованность в достижении определенных – целей, таких как политический суверенитет на некоей вновь обозначенной территории; общая заинтересованность в применении средств, которые считаются необходимыми

<sup>60</sup> В Кении заживо сожжены 15 женщин, обвиненных в колдовстве // <http://news.mail.ru/incident/1775193/> (дата обращения: 07.08.2019).

<sup>61</sup> Oppenheim C. Poverty: the Facts. London, 1993. P. 28.

<sup>62</sup> От дохода мужчин.

<sup>63</sup> Armas G.G. In Most Jobs, it Pays to Be a Man, Report Says // Louisville Courier-Journal. 2004. June.

<sup>64</sup> Chignell H. Data in Sociology. Ormskirk, 1990. P. 56.

<sup>65</sup> Hansard Society Commission on Women at the Top Report 1990. London, 1990. P. 428.

<sup>66</sup> Banton M. The Concept of Racism // Race and Racialism / S.Zubaida (ed.). London: Tavistok, 1970. P. 19.

<sup>67</sup> Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009. С. 72.

для достижения законных целей: массовой эмиграции, революционного насилия, экономического или культурного сепаратизма<sup>68</sup>.

Наряду с гендерным и расово-этническим о сих пор сохраняет свою актуальность религиозное неравенство, дифференцирующее людей по признаку конфессиональной принадлежности. И если такие традиционные конфессии как буддизм, иудаизм, христианство и ислам призывают к толерантности и социальной солидарности, провозглашая догму «о равенстве всех людей перед Всевышним», то различного рода радикальные религиозные организации, а также тоталитарные секты жестко делят мир на «своих» и «чужих».

Наглядным примером служат исламистские религиозные организации, которые считают, что суть ислама – это не только соблюдение обрядов и ритуалов, предписанных исламом. По их мнению, ислам – это истинная вера не только для выходцев из Аравии, или для населения какой-либо Ближневосточной страны. Они открыто настаивают на том, что для всего человечества есть только один образ жизни, который является правильным в глазах Аллаха, и это – ислам<sup>69</sup>. Они ратуют за строжайшее соблюдение принципа единобожия и в связи с этим стремятся к «очищению ислама» от накопившихся за его историю нововведений и восстановлению норм, бытовавших, по их мнению, во времена Пророка Мухаммада и «праведных халифов».<sup>70</sup> При этом «безбожниками» и врагами истинной веры объявляют не только иноверцев, но и представителей тех течений ислама, которые угрожают не основам религиозной стабильности, а основам государственной власти<sup>71</sup>.

Примером религиозной нетерпимости являлся режим Талибан, установившийся в Афганистане, и который совершенно дискредитировал идеи о мире и веротерпимости, которые несет ислам, и породил недоверие к спо-

собности мусульман жить в согласии с другими народами и религиями. Талибы считали, что последним следует умерить свои требования и «приспособиться» к Талибану: «Все, кто говорит с нами, должен делать это с позиций ислама. Священный Коран не может быть приспособлен к требованиям других людей, это люди должны изменить себя так, как требует Священный Коран», – говорил генеральный прокурор маулави Джалилулла Маулвида<sup>72</sup>.

Как отмечают ученые, «талибы отвергали любые компромиссы, как с умеренным исламом, так и с Западом. Потеряв надежду на «мировое признание», 26 февраля 2001 г. Моххамад Омар издал декрет об уничтожении всех объектов поклонения доисламского периода. В результате были уничтожены два уникальных памятника V в. – высеченные в скале гигантские скульптуры Будды. В мае 2001 г. им же был принят декрет, предписывавший немусульманам носить на своей одежде желтый значок, который бы четко указывал на них как на немусульман»<sup>73</sup>. В конечном счете Талибан быстро выродился в еще одно бандформирование, стремящееся навязать свое деспотическое правление отчаявшемуся афганскому народу<sup>74</sup>.

Современные исследователи выделяют множество других видов социального неравенства.

Так, структурные функционалисты К. Дэвис и У. Мур концептуализировали «неравенство профессий». С точки зрения структурных функционалистов стратификационная система общества, представляющая собой дифференциацию социальных ролей и позиций в нем, является «эволюционной универсалией», то есть, объективной потребностью любого развитого общества. С одной стороны, она обусловлена разделением труда и социальной дифференциацией различных групп. С другой стороны – господствующей в обществе системой ценностей и культурных стандартов, определяющей значимость той или иной деятельности и узаконивающей складывающиеся со-

<sup>68</sup> Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009. С. 77 — 78.

<sup>69</sup> Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 48.

<sup>70</sup> Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005. P. 48.

<sup>71</sup> Таевский Д. Секты мира. Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2007. С. 359 – 360.

<sup>72</sup> Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 158.

<sup>73</sup> Цит. по: Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010. С. 309.

<sup>74</sup> Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 17 – 18.

циальное неравенство, возникающее в силу неравномерности наград и поощрений. Согласно К. Дэвису и У. Муру, система стратификации помогает обществу создать такие условия, в которых выполнение социально значимых видов деятельности (*или функций – Н.О.*) позволяет индивидам занять высокие позиции в социальной структуре общества, следовательно, получить более высокое вознаграждение. Например, в примитивных обществах высоко ценились воины, в современном социуме высоким социальным статусом обладают юристы, инженеры, врачи и т. п. Представители самых важных для общества профессий получают не только материальное вознаграждение, но также признание и уважение. Таким образом, место в системе стратификации определяется значимостью той функции, которую выполняет в ней индивид, а общество поощряет различными привилегиями тех, кто является для него наиболее значимым<sup>75</sup>.

С неравенством в доступе к власти, ведущему к неравенству жизненных шансов и гражданских прав людей, связывает свою диалектическую теорию конфликта теоретик социологии Ральф Дарендорф.

Известный французский социолог Пьер Бурдьё структурирует социальные статусы людей и их шансы на «доминирование» в том или ином социальном поле в зависимости обладания определенным видом капитала (экономического, политического, символического и т.п.), а также возможностью его конвертации.

Еще две относительно новые формы социального неравенства – неравенство витальное и неравенство экзистенциальное выделил шведский социолог Г. Терборн<sup>76</sup>.

Витальное или биологическое неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как, например, окружающая среда и здоровье. Экзистенциальное

неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения/исключения (социальной инклюзии/эксклюзии). Обе эти формы неравенства сегодня активно проявляют себя в рамках всего мирового сообщества.

Как отмечают исследователи, во второй половине прошлого столетия человечество вступило в «век природы» – новую эпоху, когда дефицит и непрочность природного пространства стали самой драматической проблемой для будущего человека и его выживания. Произошел исторический поворот в отношениях противоборства между двумя живыми системами – миром человека и миром природы<sup>77</sup>. Не нуждается в особом доказательстве тот факт, что в настоящее время ускоренный индустриальный прогресс, обеспечивающий материальные блага и комфорт человеческому обществу, сопровождается нарастающим загрязнением окружающей среды, обычно пропорциональным динамике промышленного производства, разрушением природных комплексов биосферы, истощением природных ресурсов.

Воздействие людей на окружающую среду, ее загрязнение, использование ресурсов в каждом случае происходит на конкретном национальном уровне, но эти процессы интегрируются и, в конечном итоге, оказывают влияние на региональное и глобальное экологическое равновесие<sup>78</sup>.

Обычно исследователи выделяют три категории экологических проблем, относящихся к глобальным, и которые требуют решений на международном уровне.

Во-первых, региональные проблемы, которые возникают, когда соседние страны совместно владеют общим ресурсом (например, акваторией моря) и действия одной страны затрагивают интересы других.

Во-вторых, проблемы «глобальных природных ресурсов», таких как атмосфера и океаны, принадлежащих всему миру. Любые действия одной

<sup>75</sup> Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. № 2. P. 242 – 249.

<sup>76</sup> Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. London: Verso, 2006.

<sup>77</sup> Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. С. 53.

<sup>78</sup> Бехар Н. Региональный подход к экологической безопасности на европейском континенте // Мир науки. 1989. № 9. С. 18 - 21.

страны, которые влияют на такие «глобальные ресурсы», оказывают воздействию, пусть сравнительно небольшое, на все страны.

В-третьих, проблемы ресурсов (тропических лесов, редких биологических видов), принадлежащих одной стране, но имеющих ценность для мирового сообщества<sup>79</sup>.

Учеными также доказано, что темпы развития негативных явлений, связанных с промышленным загрязнением окружающей среды, опережают темпы экономического роста. В то же время уровень загрязнения или разрушения окружающей среды различен как в разных странах мира, так и в отдельных их регионах, что обуславливает экологическое неравенство на различных уровнях социальной организации. Оно, в свою очередь, оборачивается для мирового сообщества в целом большим снижением производительности труда и замедлением экономического развития в целом, ухудшением здоровья населения, ведет к серьезным изменениям человеческой личности и всего социального поведения. Так, еще в конце прошлого столетия социологи установили следующую закономерность проявления данной формы неравенства: регресс жизненной среды, сокращая достояние человечества в целом, неравномерно затрагивает его различные слои<sup>80</sup>.

Например, самые неотложные экологические проблемы, стоящие перед бедными странами (небезопасная вода, неадекватное санитарное состояние, истощение почвы, дым в помещениях от очагов для приготовления пищи и дым снаружи от сжигания угля), – отличаются от проблем, затрагивающих состоятельное население богатых стран (выбросы углекислоты, истощение стратосферного озонного слоя, фотохимические смоги, кислотный дождь и опасные отходы), и представляют более непосредственную угрозу для жизни. При этом некоторые потенциальные проблемы, стоящие перед бедными

странами, в частности глобальное потепление и истощение озонного слоя, обусловлены высоким уровнем потребления в богатых странах<sup>81</sup>.

Также известно, что объемы твердых отходов, включая отходы, опасные для жизни, растут с индустриализацией, ростом доходов и изменением образа жизни. Их неправильное удаление может иметь негативное экологическое последствие. Организация сбора и захоронения отходов требует координации. Обычно за сбор мусора отвечают городские власти, но во многих городах сбор мусора городскими службами в лучшем случае охватывает половину его объема<sup>82</sup>. Организованное удаление отходов игнорируется, или же, без всякого общественного обсуждения, мусор сваливается в тех местах, где беднейшее население имеет меньшее политическое влияние<sup>83</sup>.

Новые отношения человечества с природой, обернувшиеся тотальным разрушением экологии планеты, возрастание рисков техногенного и природного характера и увеличение числа заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды, вызвали повышенный интерес ученых к такой форме социального неравенства, как инвайронментальное неравенство.

Термин «инвайронментальное неравенство», как и термин «экологическое неравенство», используется для изучения неравенства в области распределения экологических благ. Однако он фиксирует не только влияние природы на общество и человека, но еще и влияние на них особенностей городской среды, в которой сегодня проживает большая часть населения планеты.

Действительно, социологами доказано, что степень деградации жизненной среды определяется характером развития урбанизационного процесса. Жизнь города неизбежно оказывает негативное влияние на окружающую среду, вызывает ее деградацию, порождая широкомасштабные долгосрочные последствия, которые сказываются на протяжении жизни нескольких поко-

<sup>81</sup> Collier P., Lal D. Poverty and Growth in Kenia / World Bank Staff Working Paper 389. Washington, D.C., 1990. S. 101 - 102.

<sup>82</sup> Kamel L. Urban Governance: The Informal Sector and Municipal Solid Waste in Cairo // ARCHIS. 2002. № 12.

<sup>83</sup> Bartone C. Institutional Arrangements for Solid Waste Management in Metropolitan Areas. Washington: World Bank Institute, 2002. S. 158.

<sup>79</sup> Смотри: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

<sup>80</sup> Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. С. 207.

лений. Путем перенасыщения некоторых точек природного пространства города оставляют на земле тот негативный экологический отпечаток, который называется «экологическая проекция городов». В результате расширения городов и плохого использования территории, строительство локализуется в очень больших агломерациях, где оно увеличивает концентрацию населения, на их периферии, где оно постоянно все дальше оттесняет сельскую местность, в зеленых пространствах, которые оно необратимо разрушает, на землях общественного пользования, которые оно отнимает у нации.

Существенное скопление людей в тесных кварталах больших городов не только создает опасность углубления традиционных социальных проблем, - оно влечет за собой тяжелые экологические последствия, вызывает угрозу здоровью и безопасности горожан. Особенно страдают те из них, кто живет в условиях отсутствия канализации и удаления сточных вод, в зонах, подверженных стихийным бедствиям<sup>84</sup>.

Ученые также установили, что масштабы экологических проблем существенно зависят от уровня городского развития.

В крупных городах с низким уровнем доходов к водопроводу и канализации подключено менее половины домашних хозяйств, а потребление воды вдвое меньше, чем в городах с нижним средним уровнем доходов. В беднейших городах только треть твердых отходов правильно перерабатывается, и только самые богатые города могут себе позволить очистку сточных вод. Частично отражает плохое состояние окружающей среды и тот факт, что средние коэффициенты смертности детей в возрасте до 5 лет в самых бедных городах в два раза выше, чем в городах следующей категории по доходам, и в 20 раз выше, чем в самых богатых городах.

Для крупных городов с низким уровнем развития характерно и то, что многие горожане подвергаются экологическим рискам из-за плохих жилищных условий. Эти домашние хозяйства практически не способны создавать

смягчающие удары защитные механизмы или же потребовать улучшения соответствующих услуг. Больше всего от этого страдают дети, женщины, пожилые и больные люди, домохозяйки.

В более бедных городах плохо управляемый рост приводит к деградации природных ресурсов, в особенности водоразделов, почв, прибрежных зон, - из-за неконтролируемого сброса сточных вод, плохой переработки твердых отходов и отсутствия системы стока дождевых вод. Напротив, многие проблемы загрязнения окружающей среды в более богатых городах, например, выбросы парниковых газов в результате сжигания углеводородного топлива, возникают из-за образа жизни, связанного с высоким уровнем потребления и соответственно высоким уровнем расхода природных ресурсов<sup>85</sup>.

Несмотря на различия в проявлении инвайроментального неравенства и его связи с уровнями доходов и потребления, в странах со средним уровнем доходов жители городов страдают как от традиционных, так и от современных видов ущерба, таких как воздействие вредных отходов и химических загрязнителей<sup>86</sup>.

Следует отметить, что все более актуальной проблемой для городов современного мира становится пространственное неравенство, наиболее ярким проявлением которого считают пространственную сегрегацию.

Однако, последние десятилетия свидетельствуют о том, что все более распространенным процессом и причиной массовых протестов в разных городах мира становится **джентрификация**.

Термин «джентрификация» был введен в научный оборот в 1960-х годах британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на изменение социального облика ряда районов Лондона вследствие того, что бывшие «кварталы рабочего класса» «захватывают» представители средних слоев<sup>87</sup>.

<sup>85</sup> Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни. М., 2003. С. 111.

<sup>86</sup> Bangladesh: Climate Change and Sustainable Development. World Bank Report 21104-BD. Washington, 2000.

<sup>87</sup> *Glass R.* London: Aspects of Change. London: Centre for Urban Studies and MacGibbon and Kee, 1964. P. XVIII.

<sup>84</sup> Смотри: Ефимов К.М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалья XXI века. Дисс... уч. степ. докт. социол. наук. М., 2005.

Однако сегодня его значение гораздо шире. Зачастую строительными площадками становятся бывшие промышленные зоны, которые занимают значительную территорию во многих городах, например, на территории старой Москвы их площадь по разным оценкам составляет 13%-17%<sup>88</sup>. Анализ вторичных данных указывает, что реконструкция так называемых «ржавых поясов» может рассматриваться как разновидность пространственного неравенства в форме джентрификации.

Однако застройка бывших промышленных зон, как правило, не ведет к серьезным социальным последствиям. Более того, реновация промышленных зон предполагает скорее положительные последствия для города, поскольку депрессивные районы обретают точки притяжения и новые возможности для развития. Главная угроза, которая существует в данном случае, обычно заключается в опасности утраты памятников архитектуры, существующих на бывших промышленных предприятиях<sup>89</sup>.

Гораздо более серьезные социальные последствия возникают в том случае, если джентрификация представляет собой реновацию жилых кварталов, на которую в свое время обратила внимание Р. Гласс. Джентрификация жилых районов, как правило, ведет к масштабному переселению прежних жителей. В 1980-1990-х годах джентрификация привела к появлению большого числа бездомных, что вызвало социальные протесты. Однако тактика «нулевой толерантности», предусматривающая жесткие наказания даже за незначительные правонарушения преимущественно во время акций протеста, была заимствована у американской полиции и быстро получила распространение в разных городах мира<sup>90</sup>. Исследователи фиксируют новый авторита-

ризм, который отстраняет оппозицию и делает улицы безопасными для джентрификации<sup>91</sup>, но нарушает принцип социальной справедливости.

Исследователями И.А. Вершининой и Т.С. Мартыненко установлен факт, что для российских городов пространственное неравенство характерно в меньшей мере, чем для большинства городов мира вследствие советского прошлого, когда отсутствовала существенная разница между доходами социальных групп, все строящиеся районы обеспечивались необходимой инфраструктурой вне зависимости от того, для кого они предназначались. Дифференциация различных районов города и их деление на престижные и непрестижные были результатом заселения домов или районов представителями определенных профессий или сотрудниками тех или иных предприятий. Однако в условиях капиталистической экономики на постсоветском пространстве, в том числе, и в российских городах актуализируются проблемы пространственного неравенства, последствия которых все чаще ощущают на себе жители российских городов.

На основе вторичного анализа данных ими также установлено, что в России проблема пространственного неравенства имеет свою специфику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 год, экологические риски неравномерно распределяются по территории страны. Кроме того, как показал корреляционный анализ данных, специфика подобного неравенства в России имеет региональные особенности, что обусловлено большими возможностями центра по сравнению с периферией<sup>92</sup>.

Витальное неравенство также тесно связано со здоровьем населения нашей планеты. Согласно «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой государствами членами ООН в 2015 году, в качестве одной из приоритетных целей, стоящих перед мировым сообще-

<sup>88</sup> Подробнее см.: Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Лядова А.В. Промышленные зоны в современных городах: источник социально-экологического неравенства или возможности для процветания? // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22. № 8. С. 65 - 71.

<sup>89</sup> Luhn A. Moscow's industrial heritage 'at risk' in rush to redevelop old Soviet sites. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/aug/17/moscow-soviet-heritage-risk-redevelop-industrial-zil-car-factory> (accessed: 10.05.2019).

<sup>90</sup> Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. № 3. P. 442.

<sup>91</sup> Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. № 3. P. 442.

<sup>92</sup> См. также: Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Проблемы утилизации отходов и социально-экологическое неравенство // Экология и промышленность России. 2019. № 5. С. 52 – 55.

ством, является обеспечение здоровья всех и каждого, независимо от уровня дохода, места проживания<sup>93</sup>.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, по-прежнему сохраняются различия в уровне рождаемости и смертности, и распространенности заболеваний и продолжительности жизни, как между различными социальными группами внутри отдельной страны, так и среди населения разных государств, что очевидно имеет негативные последствия для реализации поставленных целей устойчивого существования мирового сообщества.

Сохранение социального неравенства в уровне здоровья обусловлено не только глобальным характером и длительностью существования данного феномена, но и отсутствием четкого определения факторов, детерминирующих его формирование. В данной связи интерес представляет исследование, проведенное в отношении социального неравенства в сфере здоровья социологом А.В. Лядовой.

Само понятие «социальное неравенство в отношении здоровья» было впервые сформулировано М. Уайтхед, экспертом Всемирной Организации Здравоохранения в 1992 году, которая определила его как «различия в состоянии здоровья, которые не являются непреодолимыми, а поэтому могут рассматриваться как несправедливые»<sup>94</sup>. Исходя из данных, полученных в ходе масштабного исследования состояния здоровья населения в разных странах мира, были выделены такие ключевые особенности этих различий, как систематичность и несправедливый характер<sup>95</sup>.

Однако, рассматривая проблему «социального неравенства в отношении здоровья» в исторической перспективе, очевидно, что различия между состоянием здоровья отдельных групп и стран всегда существовали, причем, в определенной степени это обусловлено биологической природой самого

<sup>93</sup> United Nations. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. Available at: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/health/> (Дата обращения: 12.05.2019).

<sup>94</sup> Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of health services: planning, administration, evaluation. 1992. Vol.22 (8). P. 429-445.

<sup>95</sup> Whitehead M., Dahlgren G. Concepts and principles for tackling social inequities in health: Levelling up Part 1. WHO Collaborating Centre for Policy Research on Social Determinants of Health University of Liverpool. 2007. P. 45.

человека, влиянием эндогенных факторов на его здоровье. Поэтому одним из направлений в исследовании социального неравенства в отношении здоровья стало выявление тех индикаторов, которые указывают на социальную обусловленность преждевременной смертности, низкой рождаемости, невысокой продолжительности жизни.

Выявленные социальные факторы неравенства в отношении здоровья были обозначены как социальные детерминанты здоровья<sup>96</sup>. Их определение позволило внести уточнения в само понятие социального неравенства в отношении здоровья. Так, американской исследовательницей П. Брейвман была предложена следующая его интерпретация: «социальное неравенство в отношении здоровья - это систематические различия в здоровье (или в изменяемых рисках для здоровья) в зависимости от социального преимущества, означающее относительное положение в социальной иерархии, определяемое богатством, властью и/или престижем»<sup>97</sup>. Таким образом, социальное неравенство в сфере здоровья, прежде всего, является следствием несправедливого неравномерного доступа индивидов к основным ресурсам по поддержанию и сохранению своего здоровья.

Для России социальное неравенство в сфере здоровья может быть отнесено к новым, отличным от традиционных «экономических», форм социального неравенства, оформившихся за последние годы, что объясняется особенностями ее проявления.

Как известно, до начала 1990-х годов в рамках функционирования советской системы здравоохранения проблема социального неравенства в сфере здоровья среди россиян не рассматривалась как актуальная в силу существовавших для всех приблизительно равных возможностей медицинского обеспечения, уровня и качества жизни. С началом 1990-х годов наша страна перешла на путь формирования общества нового типа, за основу социально-

<sup>96</sup> Смотри: Уайтхед М., Дальгрэн Г. Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: Восходящее выравнивание. Часть 1. Исследования социальных и экономических детерминантов здоровья населения. 2008. № 2. С. 1 - 135.

<sup>97</sup> Braveman P. Health disparities and health equity: concepts and measurement. Annual Review of Public Health. 2006. №27. P. 167-194.



экономического развития которого были взяты рыночные отношения, индивидуализация общества, что привело к значительному дисбалансу в уровне и качестве жизни различных социальных групп.

Ключевым направлением предпринятых преобразований стала активная коммерциализация всех сфер жизни, в том числе, и системы здравоохранения, которая претерпела множественное реформирование и до настоящего момента находится в достаточно динамичном состоянии. Главным нововведением в сфере охраны здоровья стало создание системы добровольного медицинского страхования и коммерческих медицинских центров, оказывающих населению широкий спектр услуг в отношении здоровья на платной основе<sup>98</sup>.

Следствием указанных изменений в условиях усилившегося социально-экономического расслоения нашего общества стал заметный дисбаланс в состоянии здоровья населения центра и периферии. Это особенно наглядно отразилось на таких показателях, как структура заболеваемости (наиболее распространенные болезни), смертность, продолжительность жизни, рождаемость и младенческая смертность, что привело к формированию так называемого дефицита здоровья среди населения регионов<sup>99</sup>.

Как уже было отмечено выше, основной формой проявления так называемого экзистенциального неравенства является социальная эксклюзия.

Анализ существующих в современной социологической теории основных методологических подходов к понятию «социальная эксклюзия» (Х. Сильвер, Р. Мунка, Д. Гордона и Р. Левитас, Т. Аткинсона) показал, что наиболее часто понятие «социальная эксклюзия» определяется как отсутствие доступа к:

- 1) доходам и другим материальным ресурсам;
- 2) рынку труда;

<sup>98</sup> Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Available at: <http://www.roszdravnadzor.ru/documents/100> (дата обращения: 12.05.2019).

<sup>99</sup> Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. // М.: Росстат, 2017. С. 686.

- 3) услугам;
- 4) социальным отношениям.

Особенностью этого понятия является то, что оно имеет как чисто материальное выражение (в виде доступа к определенным материальным благам), так и социальное измерение. Так, социальная эксклюзия мешает участию в нормативно предписанных видах деятельности данного общества, ограничивает доступ к информации, ресурсам, сокращает возможности по достижению личных целей.

Наглядным примером социальной эксклюзии является ограничение доступа к ресурсам, связанным с информационно-цифровыми технологиями (так называемое цифровое неравенство или «цифровой разрыв»).

Известно, что создание новых коммуникационных технологий на базе Интернета (в том числе, электронной почты, форумов, досок объявлений, поиска информации в сети и т.п.) открыло доступ к определенным возможностям не только для профессиональных программистов и технически подготовленных специалистов, но для обычных людей (пользователей). Активное и повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало источником нового социального разрыва – между теми, кто имеет доступ к этим и технологиям и вытекающим из него преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен, который обусловил появление «цифрового неравенства».

Как отмечает исследователь Д.Е. Добринская, в современной социологической литературе представлено множество различных подходов к изучению цифрового разрыва<sup>100</sup>, однако единого понимания данной проблемы до сих пор нет. В качестве методологической основы для анализа цифрового разрыва используется его трехуровневое членение.

<sup>100</sup> См.: Deursen van A.J., Dijk van J.A. The digital divide shifts to differences in usage // *New Media & Society*. 2014. Vol. 16. № 3. P. 507–526; Dijk van J.A. A theory of the digital divide // *Informationsgerechtigkeit / Schuller-Zwierlein A., Zillien N. (eds.)*. Berlin: De Gruyter, 2012. P. 29–45; Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // *First Monday*. 2002. Vol. 7. № 4; The digital divide: the internet and social inequality in international perspective / Muschert G.W., Ragnedda M. (eds.). Routledge, 2015.

Первый уровень цифрового разрыва фиксирует разницу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Такой доступ предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы. Речь идет не только о владении специальными техническими средствами, обеспечивающими доступ в интернет, но и о наличии самого доступа, а также о качестве доступа к сети.

Второй уровень цифрового разрыва позволяет определить дифференциацию в наличии необходимых для эффективного использования ИКТ цифровых навыков. В частности, исследуется уровень владения навыками поиска информации в сети, качественного отбора контента интернет-ресурсов и его последующего использования; изучаются показатели уровня цифровой грамотности; анализируются мотивы использования интернет-ресурсов; выявляется число тех пользователей, которые способны создавать новый контент, новые программные продукты.

Наконец, третий уровень цифрового разрыва выявляет жизненные шансы и возможности, обусловленные наличием доступа к ИКТ и обладанием определенным набором цифровых навыков для эффективного использования этих технологий. Именно здесь простая дифференциация в доступе и навыках превращается в новую форму социального неравенства, поскольку факторы первого и второго разрывов оказывают влияние на социальное положение индивида, его профессиональные возможности, социальный статус, карьерные перспективы и, в целом, на возможности, быть полноценным членом цифрового общества.

Следует отметить, что социологами Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко предложена агрегированная модель цифрового неравенства, позволяющая зафиксировать многоаспектность рассматриваемой проблемы. Основными компонентами этой модели являются материальный доступ, цифровые навыки использования, уровень цифровизации жизни и жизненные шансы<sup>101</sup>.

<sup>101</sup> Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108 – 120.

Анализ, проведенный с применением данной модели, позволил констатировать наличие ряда весьма существенных факторов, поддерживающих наличие цифрового неравенства в российском обществе.

Во-первых, в РФ первая «Стратегия развития информационного общества» была разработана лишь во второй половине 2000-х гг. Этот факт объясняет довольно скромные позиции страны (как правило, между 30-м и 40-м местом) в различных международных рейтингах (к примеру, по уровню развития ИКТ<sup>102</sup>, индекс сетевого мира<sup>103</sup>, индекс цифровизации экономики<sup>104</sup> и т.п.).

Во-вторых, существует высокий уровень дифференциации доходов как между отдельными домохозяйствами, так и между регионами внутри страны. Результаты исследования, проведенного в 2018 году, показали, что чем выше достаток россиян, тем чаще они выходят в Интернет<sup>105</sup>. Так, среди наименее обеспеченного и бедного населения высок процент тех, кто вовсе не пользуется интернетом (40% и 40% для обеих групп), а обеспеченные группы, напротив, обычно пользуются интернетом ежедневно (69% для среднего класса и 86% для людей с высоким уровнем доходов).

В-третьих, причиной цифрового неравенства в России является неравномерное развитие телекоммуникационной инфраструктуры, большая разница в стоимости и качестве услуг между регионами. Повышенных затрат требует обеспечение интернетом сельской местности в России. В то же время необходимо отметить, что в Российской Федерации по последним данным более 76% населения страны пользуются Интернетом<sup>106</sup>, что существенно превышает среднемировое значение. Проведенный анализ позволяет зафиксировать значительное неравенство в доступе к ИКТ жителей разных россий-

<sup>102</sup> ICT Development Index (Informationa Telecommunication Union)

<sup>103</sup> Network Readiness Index (World Economic Forum)

<sup>104</sup> E-Intensity Index (Boston Consulting Group)

<sup>105</sup> НАФИ. Чем больше заработок, тем чаще россияне выходят в интернет. [Электронный ресурс]. URL: <https://nafu.ru/analytics/chem-bolshe-zarabotok-tem-chashche-rossiyane-vykhodyat-v-internet/> (Дата обращения: 06.12.2018).

<sup>106</sup> World Internet Users Statistics and 2019 World Population Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 11.05.2019).

ских регионов, что объясняется не только экономическими причинами, но и наличием определенной культурной специфики, ментальности, а также наличием языковых барьеров.

Наконец, цифровое неравенство можно объяснить и целями использования интернета (бизнес, учеба, развлечения и другие). При этом уровень владения цифровыми навыками у российских пользователей свидетельствует о необходимости интенсификации работы по его повышению.

Специфической особенностью проявления «цифрового неравенства» в России является то, что только каждый четвертый россиянин имеет высокий уровень цифровой грамотности (26% россиян продемонстрировали высокий уровень базовых компетенций в цифровой среде), а доля ИТ-специалистов в общей численности занятых не превышает 2%, в то время как в Финляндии, Швеции, Великобритании – достигает 5–6%. Индекс цифровой грамотности составил 52 п.п. из 100 возможных. При этом россиянам свойственна легкомысленность в сфере защиты информации: только 38% респондентов делают резервные копии собственных данных, а 44% пользователей не знают, как правильно поступать в случае получения от знакомого человека письма с вирусом<sup>107</sup>.

Несмотря на определенные отличия, в России наблюдается общемировая тенденция сохранения цифрового разрыва в использовании новейших технологий между поколениями. У старших возрастных групп существенно снижается активность в сети, приоритет отдается просмотру контента, а не его созданию. Тем не менее, следует отметить, что среди людей старшего возраста (55 лет и старше) доля пользователей интернета растет, в том числе за счет увеличения числа пользователей мобильного Интернета<sup>108</sup>.

Сегодня актуальным компонентом социального дискурса служит то социальное неравенство, которое воспроизводится в практиках повседневности.

Таковыми, наиболее часто встречающимися практиками, как отмечает профессор Н.Л. Полякова, являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, а также правовые практики. Одними из наиболее древних механизмов установления социального неравенства являются стигматизация и символическая категоризация.

В частности, посредством механизмов стигматизации<sup>109</sup> практики повседневности формируют базовые индивидуальные социальные неравенства, примеры которых можно найти в работах М. Фуко. Эти практики стигматизации произрастают из первоначальных практик изоляции больных лепрой и венерическими заболеваниями, внушавших ужас, провоцирующих использование магических обрядов очищения в отношении изгоняемых из общества и заключаемых в закрытые учреждения. Однако, как указывает Фуко, «исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей, – однако все эти структуры останутся неизменными. Обычаи исключения из сообщества встретятся нам и через два-три столетия, зачастую в тех же самых местах. Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и «повредившиеся в уме»<sup>110</sup>.

Действительно, сегодня бедность, бездомность, делинквентность, болезнь и даже обычная «непохожесть на других людей» являются своеобразными стигмами, на базе которых спонтанным образом формируются в рамках повседневности практики установления новых форм социального неравенства.

Все эти типы стигмы являются основанием для дискриминации и соответственно способствуют уменьшению жизненных шансов (прав) индивида, а также служат оправданием «враждебности» по отношению к нему, которая

<sup>107</sup> НАФИ. Цифровая грамотность для экономики будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://naf1.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 14.02.2019).

<sup>108</sup> GfK. Проникновение интернета в России: итоги 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.gfk.com/fileadmin/user\\_upload/dyna\\_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK\\_Rus\\_Internet\\_Penetration\\_in\\_Russia\\_2017-2018.pdf](https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf) (Дата обращения: 14.02.2019).

<sup>109</sup> Стигма - термин греческого происхождения, означающий «пятно». Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

<sup>110</sup> Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: Издательство АСТ, 2010. С. 15.

может выражаться в последующей дискриминации его прав и ограничении свобод.

Например, ряд европейских СМИ сводит проблему сосуществования представителей различных этносов к взаимодействию мусульманских общин и общин европейцев в оппозиционных категориях «мы» – «они», где «они» – это «приверженцы ислама», к которым относятся все те, кто по каким-либо характеристикам (язык, манера поведения, социально-культурные черты) отличается от населения принимающей стороны<sup>111</sup>.

При этом одним из приемов, наиболее часто используемых СМИ для формирования у аудитории ложных представлений о мигрантах-мусульманах является обращение к статистике. Основной акцент делается на тенденции к неуклонному росту числа мусульманских общин в Европе, причем источник приводимых статистических данных указывается достаточно неопределенно. Авторы сообщений, приводя факты, свидетельствующие об увеличении масштабов присутствия мусульман на этом континенте, нередко выражают обеспокоенность в связи с сокращением «коренного» населения. Подобные статистические выкладки провоцируют усиление тревоги, опасений, недоверия и других отрицательных эмоциональных составляющих ментальных установок. Независимо от отношения различных авторов к тем или иным общинам, ими формируется алармистский образ «врага у ворот»: «Европе в связи с сокращением численности населения нужны мигранты, но ей не нужны переселенцы, бегущие от нищеты в другую социальную систему. Миграция в Европу приобретает практически форму импорта нищеты. Опасность заключается в том, что эта нищета приобретает этнический и религиозный характер<sup>112</sup>.

В то же время, сегодня не существует ни одной европейской страны, в которой не действовали бы или не объединились исламские организации. К

сожалению, лишь некоторые из них выполняют функции центров по интеграции иммигрантов в европейское общество.

Активность ассоциаций, подобных «Исламской миссии Соединенного Королевства», «Исламскому Совету Европы» (Великобритания), «Союзу исламских организаций Европы» (Германия), «Федерации исламских организаций» (Франция) и ряда других не ограничивается выполнением культурно-просветительских и гуманитарных функций. Хорошей иллюстрацией тому является деятельность Европейской арабской лиги (ЕАЛ) в Бельгии.

Европейская арабская лига требует превращения арабов в «равноценный всем остальным самостоятельный этнос». Ее члены выступают за арабский язык в качестве государственного, ислам в роли официальной религии, квоту для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях Бельгии, и главное, за официальное прекращение политики интеграции иммигрантов-мусульман в жизнь Европы. При этом лидер ЕАЛ Абу Яя призывает своих сторонников к открытой политической конфронтации с официальными властями<sup>113</sup>.

Этническая предубежденность опирается на стереотипы, в основе которых лежат недостаточные знания культуры и обычаев других народов, в известных условиях, является причиной социального неравенства, ведущего к возникновению или обострению межэтнических конфликтов.

В целом проблема социального неравенства, его традиционных и новых, относительно недавно концептуализированных форм, а также региональных особенностей их проявления остается одной из наиболее актуальных, даже злободневных социальных проблем, которые требуют серьезных эмпирических исследований.

<sup>111</sup> Самообман Европы // Financial Times Deutschland. 2005. 10 ноября.

<sup>112</sup> Самообман Европы // Financial Times Deutschland. 2005. 10 ноября.

<sup>113</sup> Цит. по: Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010. С. 424.

## ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

### 2.1. Общие представления молодежи о социальном неравенстве в России и в современном мире

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является изучение представлений молодежи о сущности и различных формах социального неравенства, имеющих место в России и в современном мире. Актуальность изучения данной проблематики не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время социальное неравенство давно уже стало глобальной социальной проблемой, отягощающей жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу<sup>114</sup>. Как осмысливают данную проблематику молодые люди? Понимают ли они суть происходящих процессов и явлений? Или же, являются объектом манипулятивного воздействия со стороны различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, воспроизводя различные штампы, лозунги и шаблоны, внедрённые в их сознание этими субъектами? На все эти вопросы необходимо получить ответы для совершенствования процесса, механизмов осуществления молодежной политики и восполнения имеющихся пробелов в её реализации.

В 2020 году группа сотрудников социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провела социологическое исследование, посвященное выявлению отношения молодежи и студентов к проблеме социального неравенства в целом, а также к проявлению различных его видов в современном мире и в России.

<sup>114</sup> Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Sociologia Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. № VII. P. 53.

Целью проведенного исследования был анализ представлений молодежи о социальном неравенстве в современной России и мире.

Основными задачами исследования являлись:

1. Анализ общих представлений молодежи о структуре и содержании понятия социального неравенства.

2. Анализ восприятия молодежью проявлений отдельных видов социального неравенства в современной России и мире.

В ходе проведения исследования летом 2020 года методом анкетного опроса в онлайн-формате было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России (44 субъекта Российской Федерации: 8 – республик, 29 – областей, 5 – краёв, 2 города федерального значения – Москва, Севастополь)<sup>115</sup>. Распределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов.

По социально-демографическим признакам и социально-экономическим параметрам состав выборочной совокупности выглядел следующим образом. 28% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 72% – женского (Рис.1). 62,9% опрошенных (то есть более половины из них) составили молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, 24,84% – от 16 до 19 лет, 12,26% – от 25 до 30 лет (Рис.2).

<sup>115</sup> Выборочную совокупность составили молодые люди из следующих регионов Российской Федерации: городов федерального значения – Москвы и Севастополя; республик – Башкортостан, Бурятия, Мордовии, Северной Осетии, Татарстана, Тывы, Хакасии, Марий Эл; областей – Архангельской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Кировской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Сахалинской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Томской, Тульской, Ульяновской, Челябинской, Ярославской; краёв – Краснодарского, Пермского, Приморского, Ставропольского, Хабаровского.



Рис.1



Рис.2

84,87% опрошенных молодых людей не имеют семьи (не женаты и не замужем), 7,96% – сожительствуют (проживают в незарегистрированном браке), 7,17% – имеют свою собственную семью (проживают в зарегистрированном браке) (Рис.3).

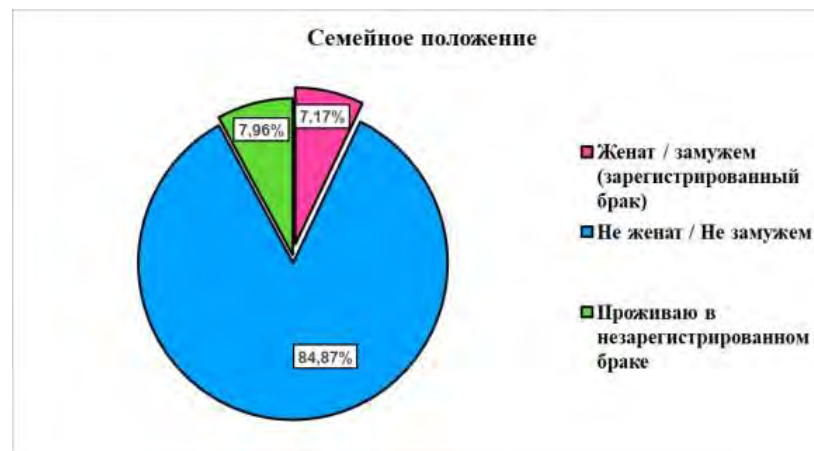


Рис.3

72,45% молодых людей по своему роду занятий являются учащимися. 19,9% – работают, 5,89% – временно не работают, 1,75% – не работают (Рис.4).



Рис.4

54,46% опрошенных имеют незаконченное высшее образование. 23,73% – имеют высшее образование, 12,9% – среднее образование, 6,69% – среднее специальное образование, 2,23% – незаконченное среднее образование (Рис.5).



Рис.5

46,97% молодых людей проживают в столице. 35,03% – в областных городах, 10,99% – в городах федерального значения, 7,01% – в сельских поселениях (Рис.6).

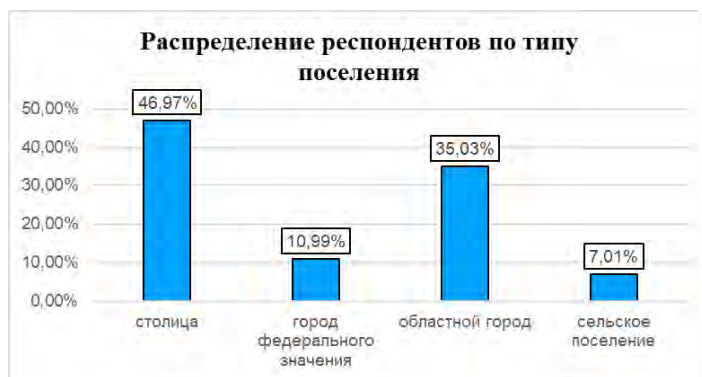


Рис.6

В первом полугодии 2020 года 29,46% опрошенных вовсе не имели доходов, 25,96% – имели доход от 5000 до 15000 рублей, 20,54% – от 15000 до 30000 рублей, 17,52% – имели доход свыше 45000 рублей, 6,53% – от 30000 до 45000 рублей (Рис.7).



Рис.7

83,92% опрошенных характеризовали своё материальное положение как среднеобеспеченное, 12,26% – бедствуют, ограничивая себя во всём, 3,82% – имеют высокий достаток (Рис.8).



Рис.8

Ответы молодых людей на общие вопросы в отношении феномена социального неравенства и особенностей его проявления, позволили установить следующее.

Большая часть молодых людей (79,14%) считают, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство. 10,35% отрицают сам факт его наличия, а 10,51% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о его присутствии или отсутствии в современном мире (Рис. 9).



Рис. 9

В сопоставлении с результатами исследования 2019 года<sup>116</sup>, можно констатировать, что после начала пандемии, количество молодых людей считающих, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство увеличилось на 20%.

Среди причин, лежащих в основе социального неравенства, 30,8% молодых людей отметили расово-этнические причины, которые вышли на первое место среди причин социального неравенства в мире (по оценкам молодых людей). О том, что в основе социального неравенства лежат экономические причины ответили 19,2% респондентов (второе место). 15,4% молодых людей среди причин социального неравенства отметили культурные причины (третье место). Социальные и индивидуальные причины социального неравенства получили по 7,7% ответов соответственно. Политические и религиозные причины социального неравенства набрали по 3,8% ответов соответственно. 11,5% опрошенных затруднились с определением причин, лежащих в основе социального неравенства (Рис. 10).



Рис. 10

Анализ ответов молодых людей на вопрос «Какими факторами, на Ваш взгляд, обусловлено социальное неравенство людей?» показал, что по мнению опрошенных социальное неравенство в большей степени обусловлено различием статусов, которые люди получают по рождению (19,4% ответов), имущественным различием (14,3% ответов), различием в умственных способностях (13,4% ответов), обладанием властью или её отсутствием (12,3% ответов), природой человека (11,8% ответов).

Также оно обусловлено разницей в особенностях психики (8,7% ответов), разницей в физических способностях (6,9% ответов), разделением общественного труда (6,4% ответов), дискриминацией (5,5% ответов), профессиональной принадлежностью (1,4 % ответов) (Рис. 11).

<sup>116</sup> Осотова Н.Г., Елищев С.О., Прончев Г.Б. Восприятие социального неравенства московскими студентами // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 11–25.





Рис.11

Весьма интересными, в определенной степени не совпадающими с представлениями о причинах социального неравенства, оказались представления молодых людей о видах социального неравенства, распространенных в современном мире. По их мнению, самым распространенным видом социального неравенства в современном мире является экономическое неравенство (21,6% ответов).

Затем, достаточно распространенным, по мнению молодых людей, является неравенство доступа к определенным нематериальным благам (13,1% ответов), неравенство жизненных возможностей (12,3% ответов), гендерное неравенство (10,7% ответов), цифровое неравенство (10,2%), социальная эксклюзия (7,1%), расовое неравенство (6,1% ответов), классовое неравенство (5,2% ответов), этническое, национальное неравенство (3,8% ответов), кастовое неравенство (3,7%), возрастное неравенство (2,8%), религиозное неравенство (2,4%). 1% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства наиболее распространены в современном мире (Рис. 12).



Рис.12

При этом, анализ ответов молодых людей на вопрос анкеты «Существует ли социальное неравенство в современной России?» показал, что по мнению подавляющего большинства (94,59 %) опрошенных, оно однозначно имеет место в современной России. 4,14% – затруднились с ответом на данный вопрос, 1,27% молодых людей считают, что его не существует (Рис. 13).

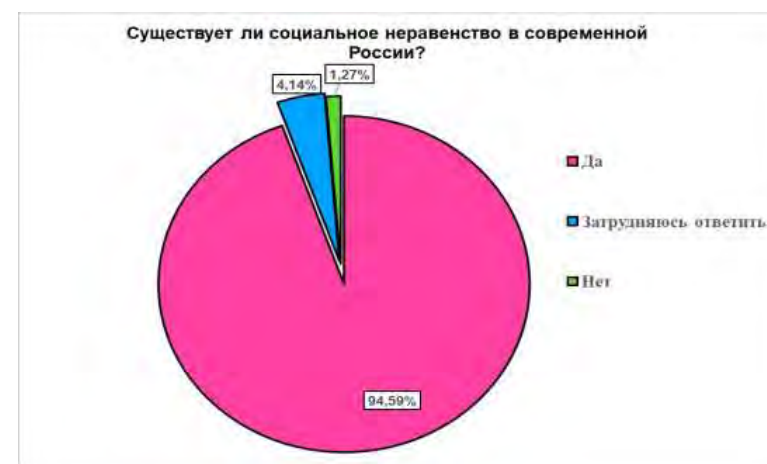


Рис.13

На следующий вопрос «Какие формы и виды социального неравенства наиболее распространены в современном российском обществе?» ответы респондентов распределились следующим образом. На первом месте по степени распространённости стоит экономическое неравенство. Так, три четверти (76%) молодых людей, считают сильно распространённым в современном российском обществе именно экономическое неравенство. О распространённости в России данного вида неравенства также заявили 22% молодых людей, что вместе составляет 98% опрошенных. Также 1% опрошенных – затруднились с ответом.

На втором месте по степени распространённости в современном российском обществе (78 % ответов), по мнению респондентов, находится неравенство доступа к нематериальным благам (образованию, медицине и др.). О его сильном распространении, а также о распространённости заявили по 39% опрошенных (13% – не согласились с ними, 8% – затруднились с ответом).

На третьем месте по степени распространённости (78% ответов) – неравенство жизненных шансов и возможностей (о его сильном распространении заявили 36% молодых людей, о распространённости – 42%). 13% заявили о его не распространённости, 8% – затруднились с ответом.

На четвертом месте по степени распространённости в современном российском обществе, по мнению опрошенных, находится классовое неравенство (70 % ответов): о его сильном распространении заявили 25% студентов, о распространённости – 45%. 18% заявили о его не распространённости, 11% – затруднились с ответом.

На пятом месте (67 % ответов) – гендерное неравенство (28% ответов – о его сильном распространении и 39% - просто о распространённости). 24% заявили о его не распространённости, 9% – затруднились с ответом.

На шестом месте (66 % ответов) – социальная эксклюзия (о его сильном распространении заявили 17% молодых людей, о распространённости – 49%). 12% заявили о её не распространённости, 22% – затруднились с ответом.

На седьмом месте – возрастное неравенство (63 % ответов). 17% опрошенных заявили о его сильной степени распространённости и 46% – о его распространённости. 26% заявили о его не распространённости, 11% – затруднились с ответом.

На восьмом месте, по мнению молодёжи, находится этническое, национальное неравенство (62 % ответов). О его сильном распространении, как и в 2019 году, заявили 19% молодых людей, о распространённости – 43%. 25% заявили о его не распространённости, 13% – затруднились с ответом.

На девятом месте (54 % ответов) – расовое неравенство (14% ответов – о сильной степени распространённости и 40% ответов – о распространённости). 38% респондентов заявили о его не распространённости, 8% – затруднились с ответом.

На десятом месте (44 % ответов) – цифровое неравенство (11% ответов – о сильной степени распространённости и 33% ответов – о распространённости). 29% заявили о его не распространённости, 28% – затруднились с ответом.

На одиннадцатом месте (41 % ответов) – религиозное неравенство: о его сильном распространении заявили 12% молодых людей, о распространённости – 29%. 43% заявили о его не распространённости, 15% – затруднились с ответом.

На последнем двенадцатом месте – кастовое неравенство (26 % ответов). О его сильной степени распространённости заявили 4% опрошенных и 22% – о распространённости. 50% заявили о его не распространённости, 25% – затруднились с ответом (Рис. 14).

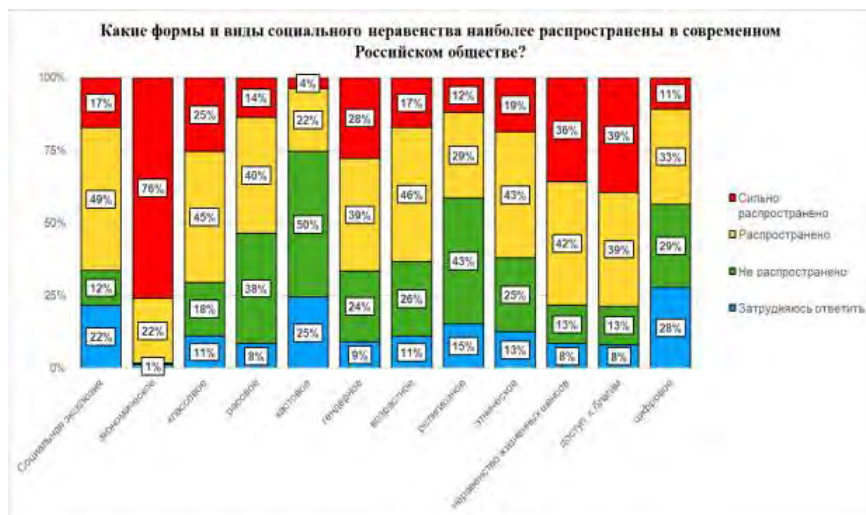


Рис.14

Ответы молодых людей также показали, что с проявлениями экономического неравенства очень часто сталкиваются 39% опрошенных, часто – 40%, редко – 13%, очень редко – 6%. 3% молодых людей заявили, что никогда не сталкивались с проявлением экономического неравенства.

22,4% студентов постоянно сталкиваются с неравенством доступа к нематериальным благам; очень часто – 27%; часто – 29%; редко – 19%, очень редко – 12%, никогда – 13%.

С неравенством жизненных шансов и возможностей очень часто сталкиваются 26% опрошенных; часто – 30%; редко – 22%, очень редко – 11%, никогда – 10%.

19% молодых людей отметили, что очень часто сталкиваются с гендерным неравенством, часто – 27%; редко – 29%, очень редко – 17%, никогда – 16%.

С социальной эксклюзией очень часто сталкиваются 9% опрошенных; часто – 26%; редко – 36%, очень редко – 13%, никогда – 15%.

14% опрошенных очень часто сталкивается с возрастным неравенством, часто – 14,3%; периодически – 27,1%, очень редко – 18%, никогда – 11%.

С проявлениями этнического, национального неравенства очень часто сталкиваются лишь 12% молодых людей, часто – 24% молодых людей, редко – 25%, очень редко – 19%, 20% – никогда.

11% молодых людей очень часто сталкивается с классовым неравенством, часто – 25%; редко – 34%, очень редко – 14%, никогда - 16%.

9% молодых людей, по их утверждениям, очень часто сталкивается с проявлениями расового неравенства, часто – 16%; редко – 28%, очень редко – 20%, никогда – 27%.

6% опрошенных очень часто сталкиваются с фактами цифрового неравенства, часто – 16%; редко – 29%, очень редко – 21%, никогда – 28%.

Об очень частых проявлениях религиозного неравенства заявили всего 7% молодых людей, о частых – 15%, о редких – 29%, а об очень редких – 24%. При этом четверть опрошенных (25%) никогда не сталкивалась с проявлениями религиозного неравенства.

С проявлениями кастового неравенства очень часто, по их мнению, сталкиваются 2% молодых людей, 7% – часто, 27% – периодически, 19% – очень редко, никогда – 45%. Хотя, следует отметить, что все они достаточно слабо представляют себе суть подобного неравенства (Рис. 15).



Рис.15

Среди причин социального неравенства в России более половины опрошенных (52,8%) указали низкий уровень доходов населения. 14,7% – несправедливое распределение социальных благ, 11,4% – проводимую государством социальную политику, 8% – высокий уровень инфляции. 5,3% – коррупцию, взяточничество, воровство чиновников, 5,1% – неэффективную работу правительства, 1,3% – непрактичность людей, неумение экономить. Остальные причины были указаны менее процентом опрошенных: 0,5% – несовершенство законодательства, 0,2% – внешние обстоятельства, 0,10% – наркомания, 0,6% – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис.16).



Рис.16

На следующий вопрос анкеты «В каких сферах жизнедеятельности социальное неравенство наиболее сильно выражено в России?» ответы молодых людей распределились следующим образом. На первом месте по степени выраженности стоит экономическая сфера (62%). На втором – профессиональная сфера деятельности, на третьем – сфера здравоохранения (14%). Четвертое место – семейная сфера (3%), на пятом – культурная (2%), на шестом месте – сфера досуга (1%) (Рис. 17).



Рис.17

61,46% молодых людей выразили своё отрицательное отношение к факту существования социального неравенства. 26,59% респондентов относятся к данной проблеме нейтрально и лишь 3,5% – положительно. 8,4% опрошенных – затруднились ответить на данный вопрос (Рис. 18).

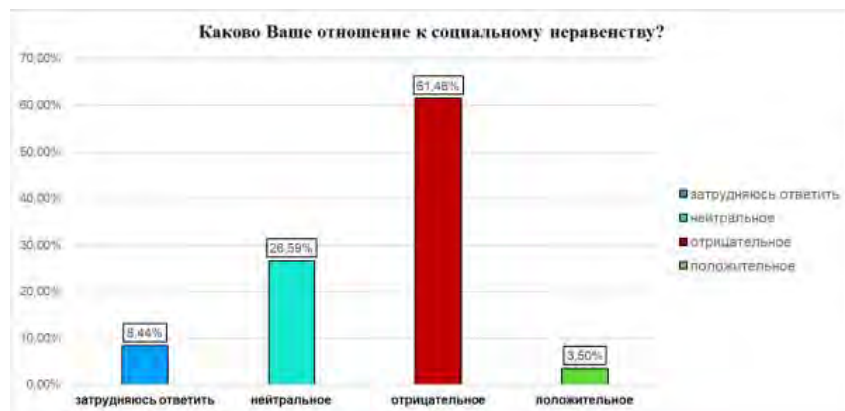


Рис.18

Результаты исследования показали, что около половины опрошенных молодых людей (45,22%) являются «реалистами» и считают, что искоренить социальное неравенство не представляется возможным. Тем не менее, почти треть респондентов – 28,98% являются «утопистами» и считают, что искоренить социальное неравенство все же можно. Четверть (25,8%) молодых людей затруднилась с ответом на данный вопрос (Рис. 19).

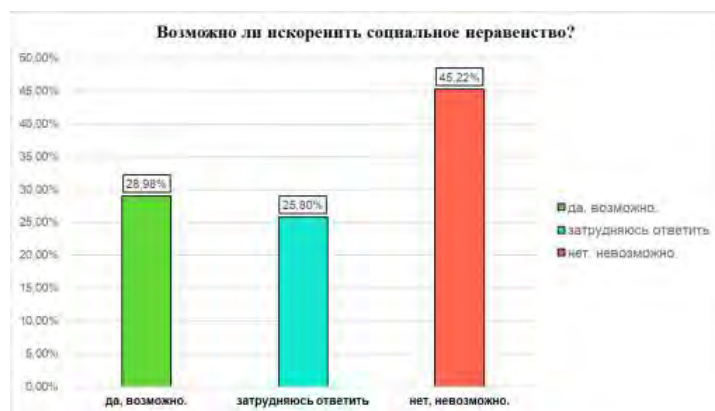


Рис.19

## 2.2. Представления молодежи о различных видах социального неравенства и особенностях их проявления в России

Известно, что, несмотря определенные смещения акцентов при анализе различных форм социального неравенства, ведущей его формой остается неравенство экономическое. В данной связи первым из блоков вопросов, предложенных молодым людям, были те, которые позволяют выявить их представления о сущности и особенностях проявления этого вида неравенства, а также определить характер отношения к нему.

Так, на вопрос анкеты «Как Вы относитесь к бедным людям?» 88,9% молодых людей ответили, что они относятся к бедным людям нейтрально, 8,1% – положительно и только 3% – отрицательно (Рис. 20).



Рис.20

Весьма интересны представления молодых людей о причинных тяжёлого положения людей, оказавшихся за чертой бедности. По мнению 30,01% молодых людей главной причиной такого положения является безработица (первое место по количеству ответов). На втором месте среди отмеченных причин – лень и неприспособленность к жизни (20,86% ответов). На третьем месте – проживание в бедном регионе (18,15% ответов), на четвертом – низкий образовательный уровень (13,69%), на пятом – семейные несчастья (7,8% ответов). На последнем, шестом месте (7,48% ответов) – алкоголизм (Рис. 21).

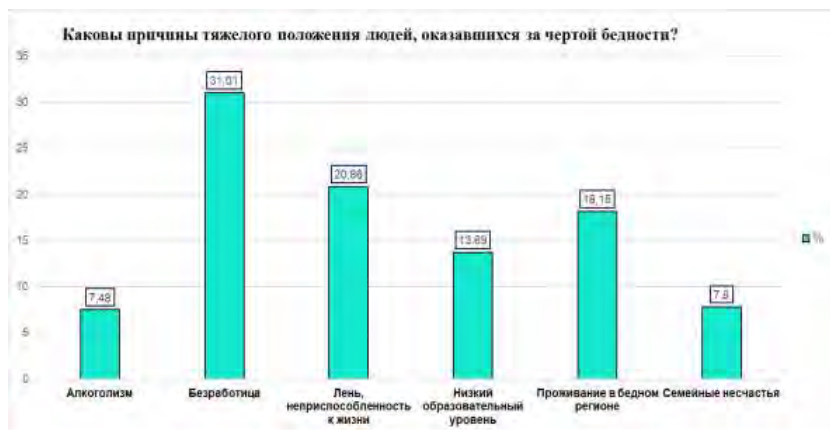


Рис.21

На вопрос анкеты «Как Вы относитесь к богатым людям?» 87,1% молодых людей ответили, что они относятся к богатым людям нейтрально, 7,01% – положительно и только 5,89% – отрицательно (Рис.22).



Рис. 22

При этом богатыми 42,68% молодых людей считают граждан РФ, имеющих ежемесячный доход от 50 000 до 145000 рублей, 41,56% опрошенных считают таковыми граждан, имеющих ежемесячный доход от 150 000 до 490000 рублей. 5,57% молодых людей считают, что богатыми являются граждане РФ доход которых составляет от 500 000 до 990000 рублей в месяц,

а 2,23% респондентов граждане РФ доход которых составляет более 1000000 рублей в месяц. И только 3,98% отнесли к ним граждан, имеющих ежемесячный доход до 45000 рублей (Рис. 23).

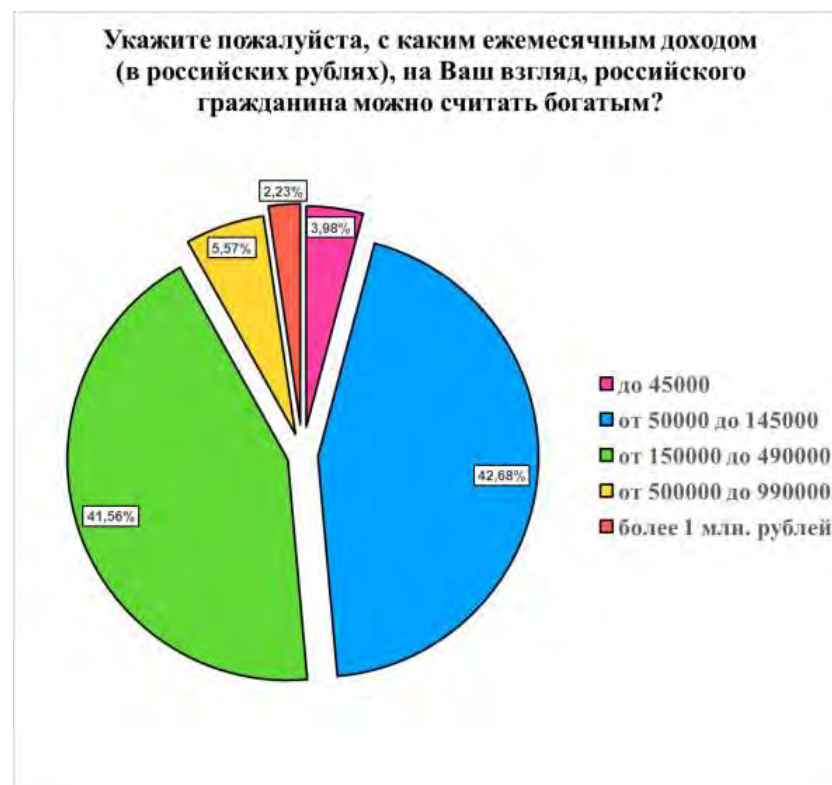


Рис.23

В то же время более двух третей опрошенных (70,22% ответов) отметили тот факт, что в последние годы внашей стране разница в доходах бедных и богатых людей однозначно увеличивается. По мнению 13,38% молодых людей она остаётся без изменений. 12,9% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 3,5% молодых людей ответили, что эта разница сокращается (Рис.24).

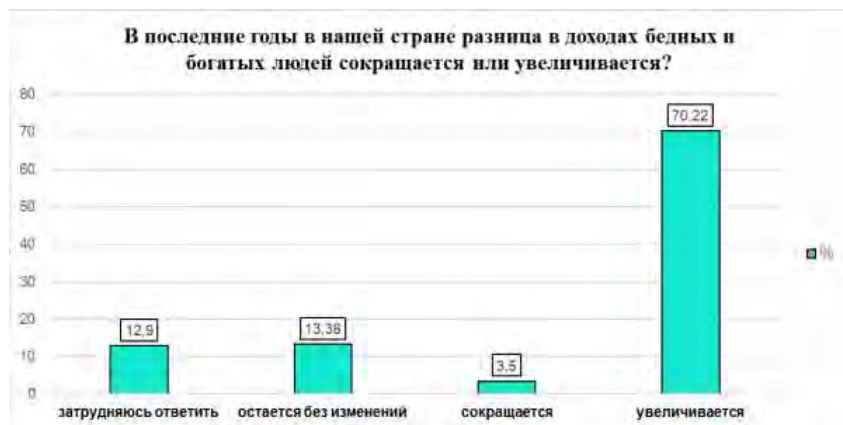


Рис.24

Вместе с тем, более пятидесяти процентов респондентов (59,87% ответов) настроены крайне пессимистично, считая что через год эта разница будет больше, чем в настоящее время. По мнению 19,75% молодых людей эта разница останется точно такой же, как и сейчас. 17,83% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос, и только 2,55% молодых людей оптимистично заявили, что эта через год разница станет меньше (Рис. 25).



Рис.25

На вопрос анкеты «Каким должен быть максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных?» 30,73% молодых

людей ответили, что максимально допустимый уровень различия в доходах самых богатых и самых бедных не должен превышать 4-6 раз. 30,57% опрошенных считают, что он должен быть в 2-3 раза, 13,85% – меньше чем в 2 раза, 8,76% – в 7-9 раз. 8,12% молодых людей считают, что он должен быть более, чем в 10 раз, а 7,96% считают такой уровень различия в доходах должен быть в 10 раз (Рис. 26).



Рис.26

С утверждением о слишком больших различиях в доходах граждан в нашей стране полностью согласны почти половины молодых людей (49,2% ответов). 40,61% респондентов также согласились с этим. Не совсем с этим согласны 8,6% респондентов, по 0,8% опрошенных не согласились или совершенно не согласились с этим утверждением (Рис. 27).



Рис.27

По мнению более двух третей опрошенных (70,06% ответов) материальный достаток людей в России напрямую зависит от региона их проживания. 17,68% молодых людей выразили своё несогласие с этим тезисом. 12,26% респондентов затруднились с ответом (Рис. 28). Таким образом, встает вопрос о специфической для России форме социального неравенства – неравенстве региональном).

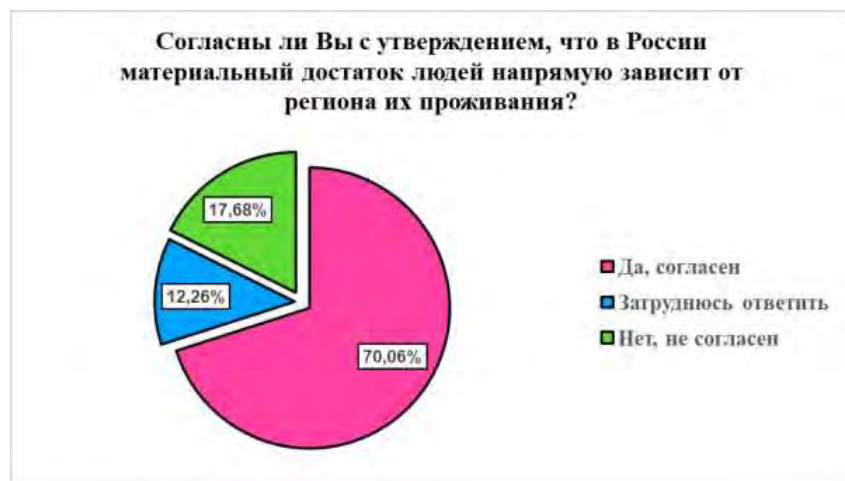


Рис.28

41,4% молодых людей денег хватает только на крупную бытовую технику и они не могут купить себе новую машину. 37,9% охарактеризовали

свои материальные возможности таким образом, что им хватает денег на питание и одежду, но купить сейчас телевизор или холодильник им было бы трудно. 10,83% опрошенных заявили, что они могут позволить себе приобрести новую машину, квартиру. 9,08% респондентов отметили, что на питание им денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения, около одного процента опрошенных (0,8% ответов) заявили, что им «денег не хватает даже на питание. Мы еле-еле сводим концы с концами» (Рис. 29).

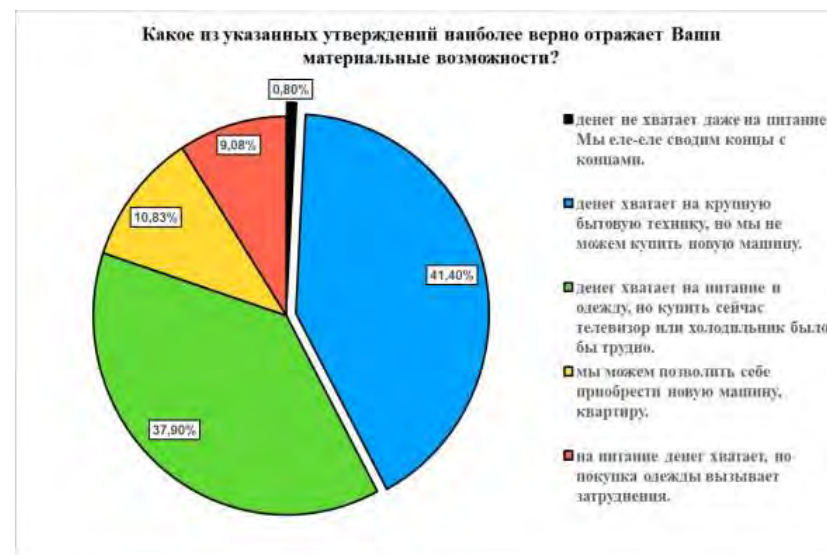


Рис.29

В условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции безусловную важность получают вопросы, связанные со здоровьем людей, отношением к здоровьесберегающим технологиям, а также к неравенству в сфере здоровья.

Результаты исследования показали, что в оценке состояния своего здоровья молодые люди, в целом демонстрируют оптимизм: 52,23% опрошенных заявили о хорошем состоянии своего здоровья, 24,84% – об удовлетворительном, а 18,79% – об отличном. 3,34% молодых людей оценили своё состояние здоровья как плохое, 0,8% – как очень плохое (Рис. 30).





Рис.30

Для поддержания и сохранения своего здоровья молодые люди предпринимают следующие меры:

- 1) читают соответствующую информацию о рисках и пользе здоровью (26,11% ответов);
- 2) регулярно проходят диспансеризацию (12,42% ответов);
- 3) регулярно занимаются спортом (21,97% ответов);
- 4) следят за своим питанием, используя только качественные экологически чистые продукты (8,12% ответов);
- 5) не курят (22,61% ответов);
- 6) не употребляют наркотических веществ (5,1% ответов);
- 7) не употребляют спиртное (0,16 ответов);
- 8) следят за своим весом (0,64 ответов);
- 9) используют мобильные приложения для мониторинга своего состояния (шагомер, измерение сердечного ритма, сна, женского цикла и другие) (0,96 ответов);
- 10) ведут физически активный образ жизни (0,8 ответов) (Рис. 31).



Рис.31

На вопрос анкеты «Как Вы оцениваете свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья?» половина молодых людей (50,64%) оценили свои возможности не очень высоко, так как, по их мнению, им доступны не все ресурсы по поддержанию и сохранению своего здоровья. 44,43% опрошенных высоко оценили свои возможности, поскольку считают, что у них есть все доступные им ресурсы для сохранения своего здоровья. 4,94% респондентов оценили свои возможности по поддержанию и сохранению своего здоровья как низкие, так как большая часть ресурсов для них не доступна (Рис. 32).



Рис.32

Среди тех молодых людей, кто оценил свои возможности не очень высоко и низко, 77,94% к недоступным для них ресурсам отнесли высокий доход, 6,59% – проживание в крупном городском центре, 6,16% – наличие комфортных условий для проживания, 4,58% – доступность качественного питания. 2,87% опрошенных к недоступным для них ресурсам отнесли возможность санаторно-курортного лечения и отдыха, 1,15% – возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры. Одинаковое количество респондентов (по 0,86%) среди недоступных для них ресурсов указали на бесплатное медицинское обслуживание и интернет (Рис. 33).

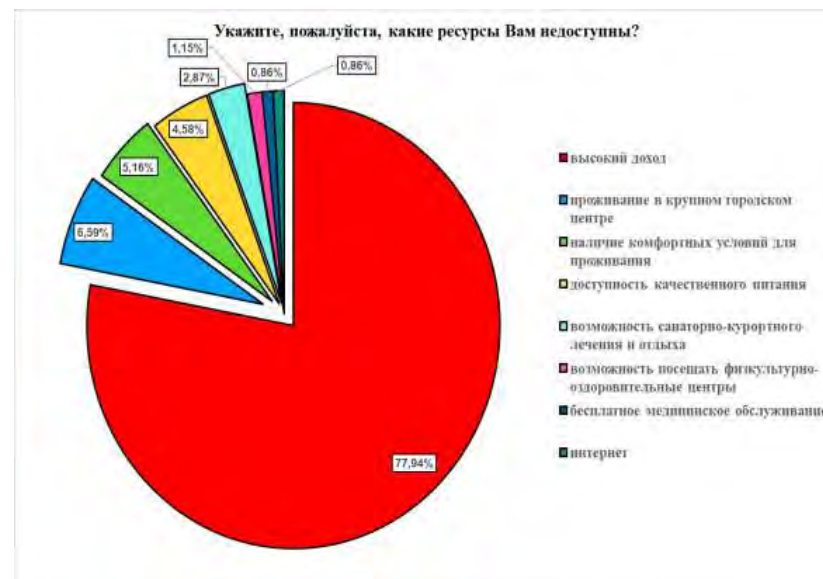


Рис.33

К ресурсам, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья, молодые люди, прежде всего, отнесли: высокий доход (47,61% ответов), наличие комфортных условий для проживания (21,02% ответов), доступность качественного питания (17,2% ответов), проживание в крупном городском центре (7,64% ответов), возможность посещать физкультурно-оздоровительные центры (3,03% ответов), возможность регулярно проходить полное медицинское обследование (2,71% ответов). Возможность санаторно-курортного лечения и отдыха, бесплатное медицинское обслуживание, наличие бесплатных площадок для занятий физической культурой, а также наличие доступа в интернет, не являются для них значимыми ресурсами, необходимым для поддержания и сохранения своего здоровья – данные ресурсы в совокупности набрали менее одного процента голосов опрошенных молодых людей. (Рис. 34).



Рис.34

Возникшее неравенство в отношении здоровья у современного человека, по мнению молодых людей, в значительной степени зависит от: экологии (37,74% ответов), условий проживания (28,03% ответов), уровня дохода (24,04% ответов), личного отношения к здоровью (8,12% ответов), уровня образования (1,91% ответов), наследственности (0,16% ответов) (Рис. 35).



Рис.35

37,58% опрошенных не совсем согласились с утверждением о том, что «В России медицинские услуги в рамках системы обязательного медицин-

ского страхования предоставляются в равной мере всем, имеющим страховой полис, независимо от их места проживания и социального статуса». 11,46% молодых людей выразили своё несогласие с данным утверждением, 9,39% – полное несогласие. 27,71% респондентов согласились с данным утверждением, 8,12% – выразили своё полное согласие с ним. 5,73% молодых людей затруднились с ответом на данный вопрос. (Рис. 36).



Рис.36

Вызывает серьезное беспокойство и одновременно поднимает вопрос о состоянии отечественного здравоохранения тот факт, что большая часть молодых людей (84,71%) пользуются платными медицинскими услугами, 15,29% опрошенных – не пользуются. (Рис. 37).

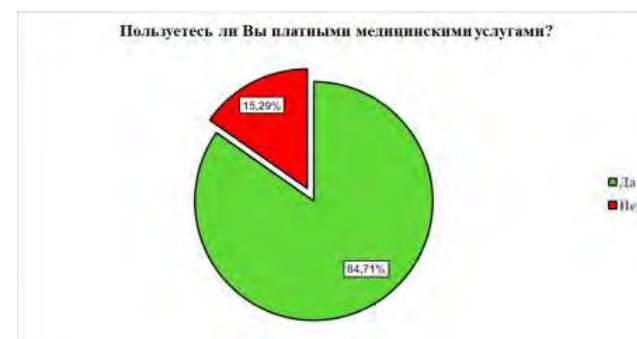


Рис.37

Среди тех молодых людей, кто пользуется платными медицинскими услугами, к причинам по которым они пользуются ими были отнесены: отсутствие нужного специалиста на бесплатной основе (44,3% ответов), отсутствие доверия к бесплатной медицине (24,2% ответов), более качественные и комфортные услуги (26,9% ответов), отсутствие полиса ОМС (2,1% ответов), быстрый сервис (1,43% ответов), наличие полиса ДМС (1,07% ответов) (Рис. 38).



Рис.38

85,19% опрошенных считают справедливым, что «равный доступ к медицинским услугам в рамках государственного страхования должны иметь все, независимо от того, платят они налоги в фонд социального страхования или нет», поскольку это на их взгляд соответствует принципам социальной справедливости. 14,81% молодых людей полностью не согласны с этим, так как считают верным принцип: «Каждому по способности, каждому по труду» (Рис. 39).

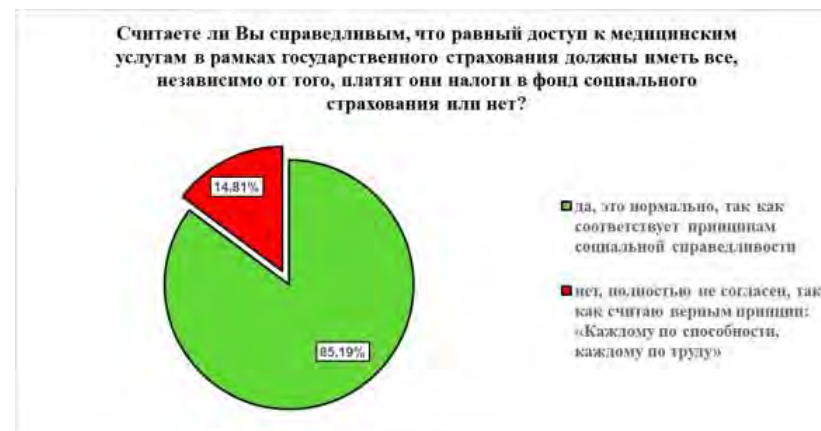


Рис.39

Одним из важных вопросов, связанных с пандемией коронавирусной инфекции является вопрос о доступности ресурсов, позволяющих снизить риски заражения ей.

В условиях распространения коронавирусной инфекции молодые люди среди ресурсов, которые оказались для них наименее доступными, прежде всего, отметили: 1) материальные ресурсы (37,42% ответов), 2) нехватку человеческого общения (20,22% ответов), 3) медицинские ресурсы (19,27% ответов), 4) санитарно-гигиенические ресурсы (8,6% ответов), 5) информационные ресурсы (7,8% ответов). Также к недоступным для них ресурсам, среди предложенных вариантов ответов, они отнесли: 6) жилищные (1,59% ответов), 7) Интернет-ресурсы (0,64% ответов), 8) отсутствие помощи (0,16%), 9) другие ресурсы (4,3% ответов) (Рис. 40).

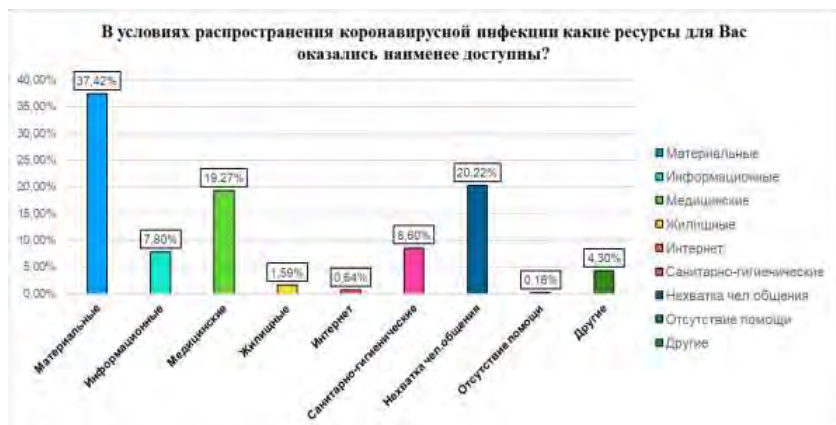


Рис.40

При этом, по мнению молодых людей, опасность распространения новой коронавирусной инфекции, может усугубить следующие виды социального неравенства: 1) экономическое неравенство (65,8% ответов); 2) неравенство доступа к определённым нематериальным благам (4% ответов), 3) социальная эксклюзия (3,8%), 4) неравенство жизненных возможностей (3% ответов), классовое неравенство (2,4% ответов), расовое неравенство (1,6% ответов), 6) возрастное неравенство (1,6% ответов), 7) религиозное неравенство (1% ответов), 8) гендерное неравенство (0,6% ответов), кастовое неравенство (0,5%), 9) этническое, национальное неравенство (0,3% ответов).

0,6% респондентов отметили иные формы неравенства. 14,8% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства могут способствовать распространению новой коронавирусной инфекции (Рис. 41), тем самым, усугубить и без того сложную ситуацию.



Рис.41

Особое место в проведенном исследовании занимал блок вопросов, связанных с особенностями проявления цифрового неравенства. Так, 44,43% молодых людей выразили своё несогласие с тем, что Россия является страной с высоким уровнем цифровизации, 26,75% – не согласились, считая Россию страной с высоким уровнем цифровизации. 28,82% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 42).

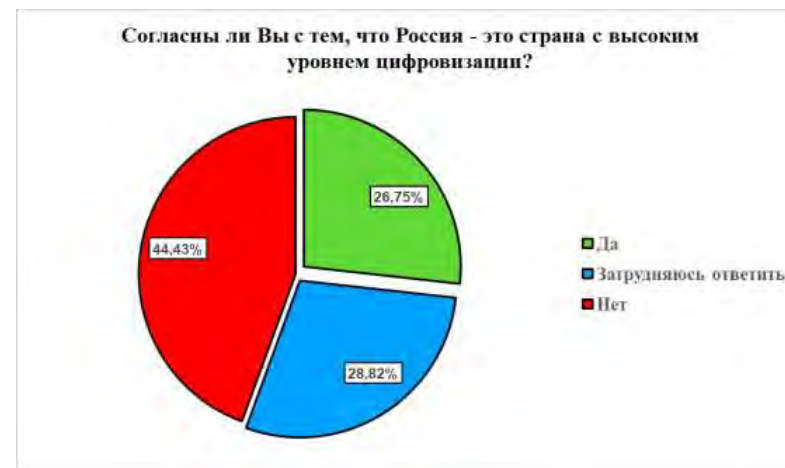


Рис.42

45,38% молодых людей также не считают экономику России цифровой. 16,4% – считают экономику России цифровой. 38,22% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 43).

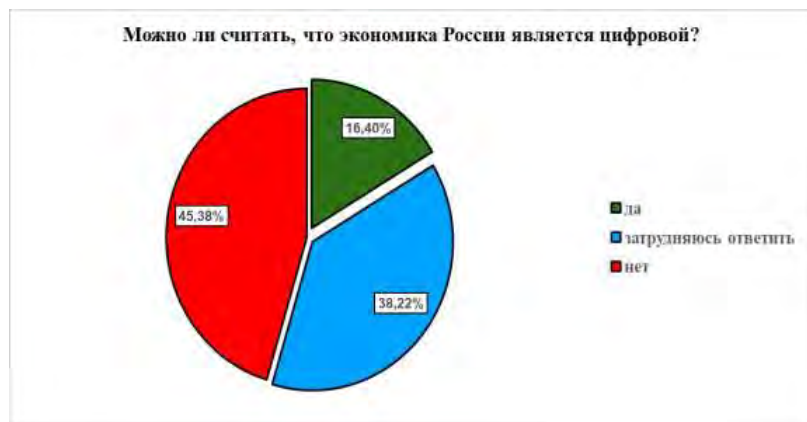


Рис.43

По мнению 31,85% молодых людей жизненные шансы, которые сегодня дает уровень цифровизации в России, не являются значительными. 28,66% опрошенных придерживаются иной точки зрения, считая такие жизненные шансы значительными. 39,49% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 44).

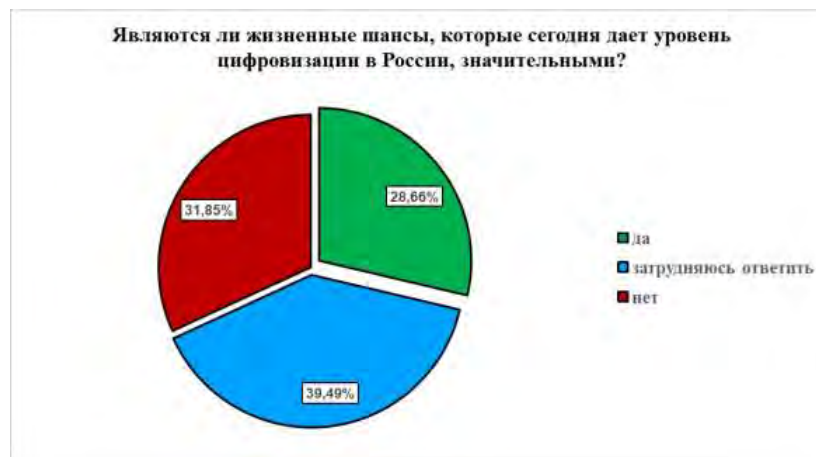


Рис.44

При этом, подавляющее большинство молодых людей (97,93%) являются активными пользователями интернета. 2,07% опрошенных не считают себя таковыми (Рис. 45).

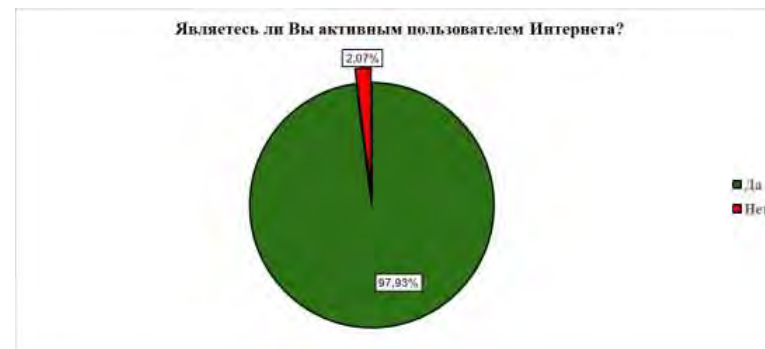


Рис.45

Ежедневно пользуются интернетом 98,25% молодых людей, несколько раз в неделю – 1,11% опрошенных, несколько раз в месяц – 0,64% (Рис. 46).



Рис.46

По мнению почти половины опрошенных (49,52% ответов) новые цифровые технологии представляют возможность выразить собственные политические взгляды. 31,21% молодых людей придерживаются противоположной точки зрения. 19,27% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 47).

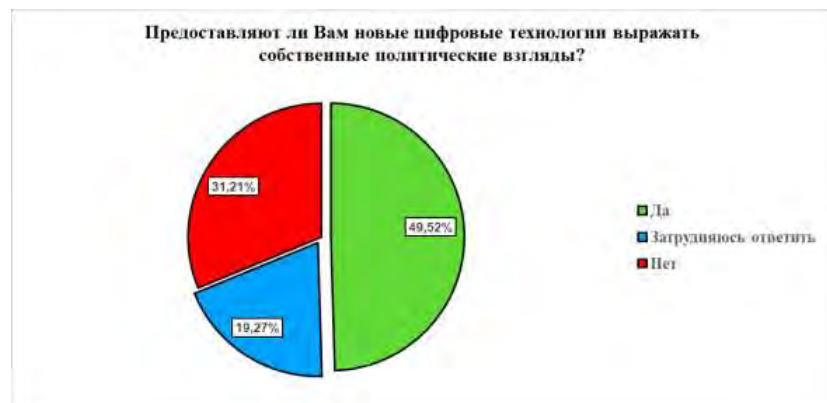


Рис.47

На взгляд подавляющего большинства респондентов (95,06% ответов) новые цифровые технологии представляют возможность создавать профили в

социальных сетях. 3,66% молодых людей выразили своё несогласие с наличием данной возможности. 1,27% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 48).



Рис.48

По представлениям большинства молодых людей (92,52% ответов) новые цифровые технологии дают возможность создавать личные блоги, вести интернет страницы. 5,25% опрошенных так не считают. 2,23% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 49).



Рис.49

75,64% опрошенных считают, что новые цифровые технологии дают возможность получать неограниченный доступ к необходимой информации. 18,47% молодых людей не согласны с этим. 5,89% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 50).

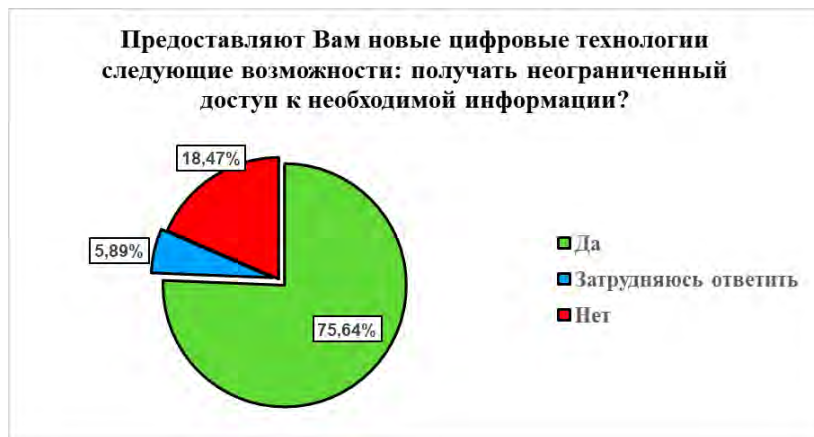


Рис.50

При этом, по мнению большинства молодых людей (92,36% ответов) новые цифровые технологии дают возможность расширять круг общения, способы социальной коммуникации. 4,46% молодых людей так не считают. 3,18% опрошенных – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 51).



Рис.51

На вопрос анкеты «Возможно ли с помощью новых цифровых технологий и тех возможностей, которые они предоставляют, искоренить социальное неравенство?» более половины молодых людей (53,98%) считают, что это невозможно. 18,79% опрошенных заявили, что искоренить социальное неравенство при помощи новых цифровых технологий вполне возможно. 27,23% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 52).

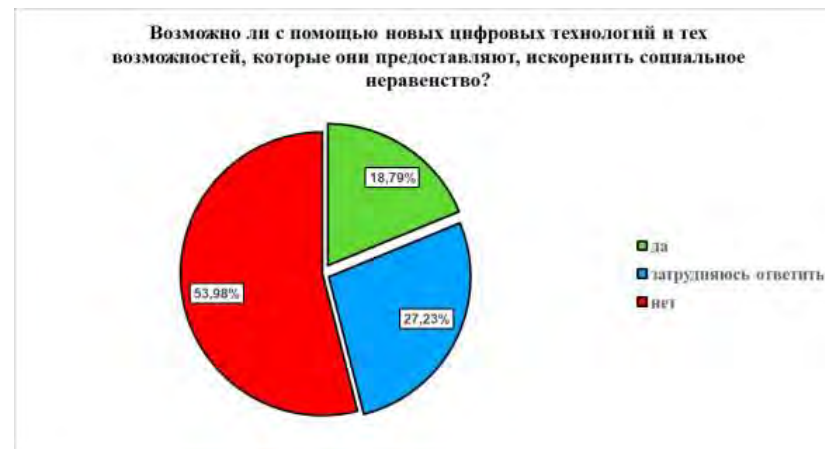


Рис.52

К отрицательным последствиям активного внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь для отдельных групп населения 44,11% молодых людей отнесли сложности с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков. 31,85% опрошенных – перегруженность ненужной информацией, 19,43% – серьезный рост безработицы, 3,66% – Интернет-зависимость, 0,96% респондентов - негативное воздействие на здоровье (Рис. 53).





Рис.53

О существовании в России цифрового разрыва – между теми, кто имеет свободный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям и теми, кто не имеет доступа к ним, заявили 64,65% молодых людей. 14,33% опрошенных отрицают факт существования цифрового разрыва. 21,02% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 54).



Рис.54

52,71% молодых людей используют информационно-коммуникативные технологии активного участия в общественной и политической жизни, 47,29% опрошенных – не используют их для данной цели (Рис. 55).

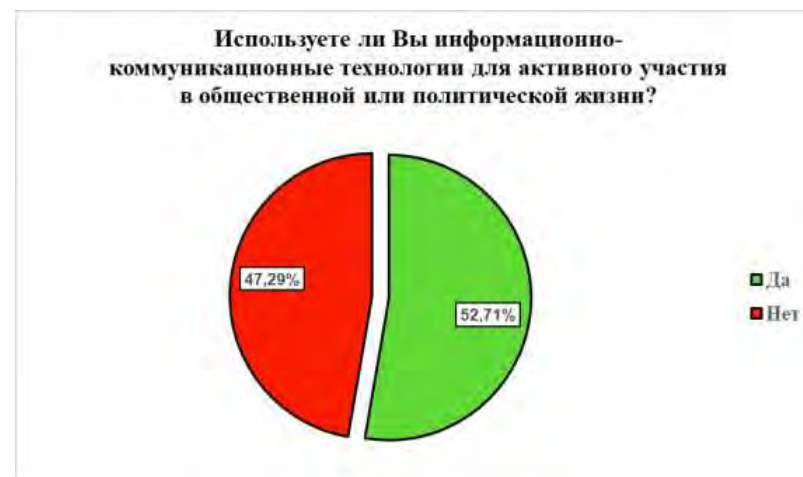


Рис.55

В то же время, о наличии у них свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и качественной цифровой связи заявили 89,81% молодых людей. 5,73% опрошенных констатировали факт отсутствия у них свободного доступа к ИКТ и качественной цифровой связи. 4,46% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 56).

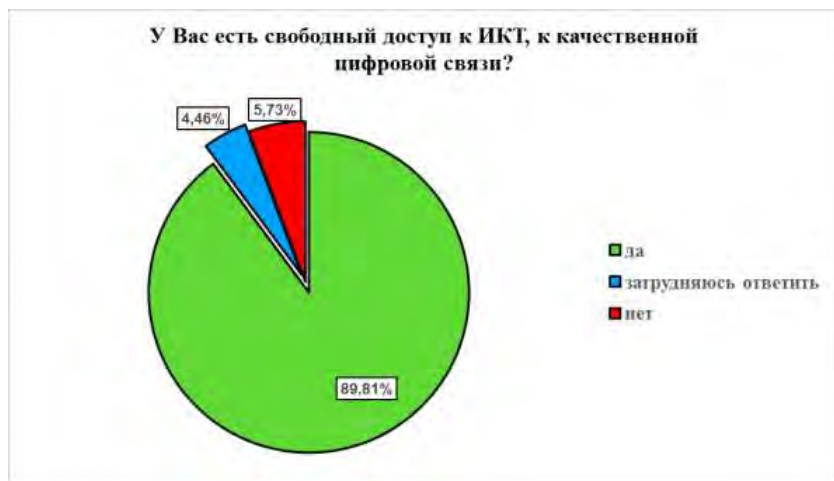


Рис.56

48,89% молодых людей оценили то, как средний свой уровень владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий. 45,54% считают, что они обладают высоким уровнем владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий. 3,5% опрошенных низко оценили свой уровень владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий. 2,07% респондентов – затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 57).

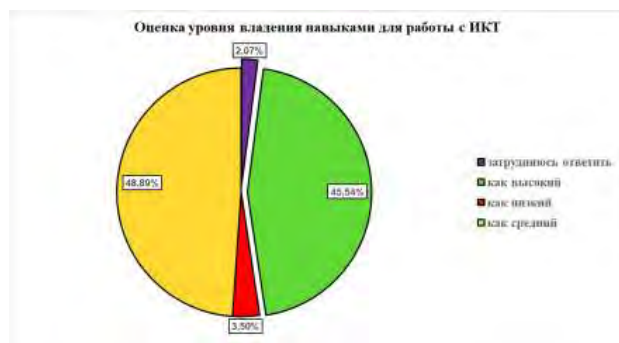


Рис.57

При этом, 85,35% опрошенных считают, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии появляются дополнительные жиз-

ненные шансы и возможности. С ними не согласились 7,32 % молодых людей. Столько же (7,32% респондентов) – затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 58).



Рис.58

58,28% респондентов часто использовали информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей. 33,28% молодых людей использовали их для этой цели периодически, 7,96% – редко. И только 0,48% опрошенных подчеркнули, что никогда не использовали информационно-коммуникационные технологии для получения свежих новостей (Рис. 59).

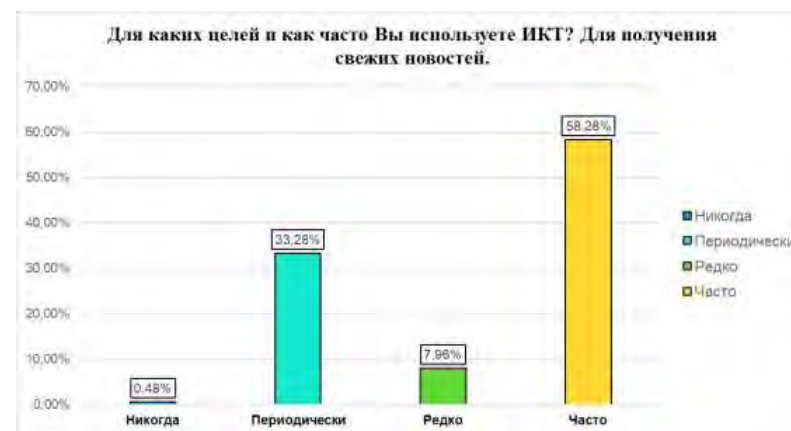


Рис.59

Для поиска новой информации информационно-коммуникационные технологии часто использовали 93,63% молодых людей. Периодически – 5,89%, редко – 0,48% опрошенных (Рис. 60).

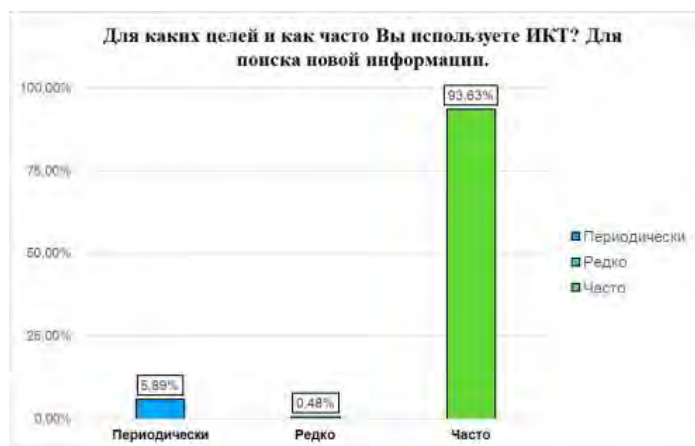


Рис.60

В целях проведения досуга (просмотра фильмов и чтения) информационно-коммуникационные технологии часто использовали 74,36% молодых людей. Периодически – 21,3% респондентов, редко – 3,5%, никогда – 0,8% опрошенных (Рис. 61).



Рис.61

Для своего саморазвития (посещения он-лайн курсов) информационно-коммуникационные технологии периодически использовали 38,38% опрошенных, часто – 37,9% респондентов, редко – 19,75%, никогда – 3,98% молодых людей (Рис. 62).



Рис.62

В целях осуществления коммерческой деятельности информационно-коммуникационные технологии часто использовали только 14,01% молодых людей. Редко – 33,92% опрошенных, периодически – 20,38%, никогда – 31,69% респондентов (Рис. 63).

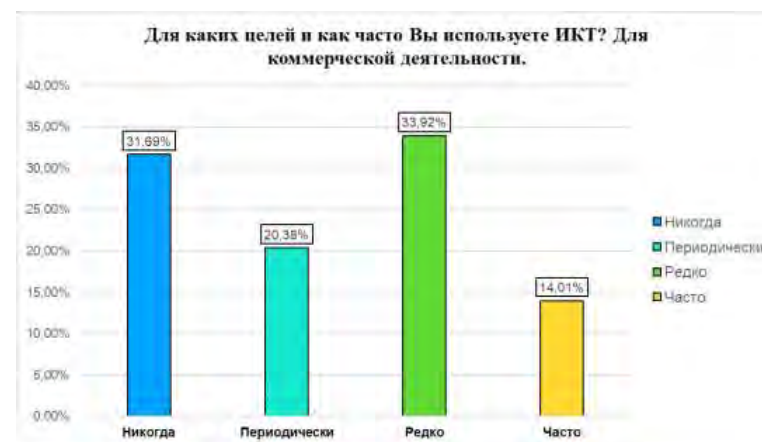


Рис.63

77,07% респондентов часто использовали информационно-коммуникационные технологии для осуществления социального взаимодействия. Периодически с этой целью их использовал 14,65% молодых людей, редко – 5,57%, никогда – 2,71% опрошенных (Рис. 64).

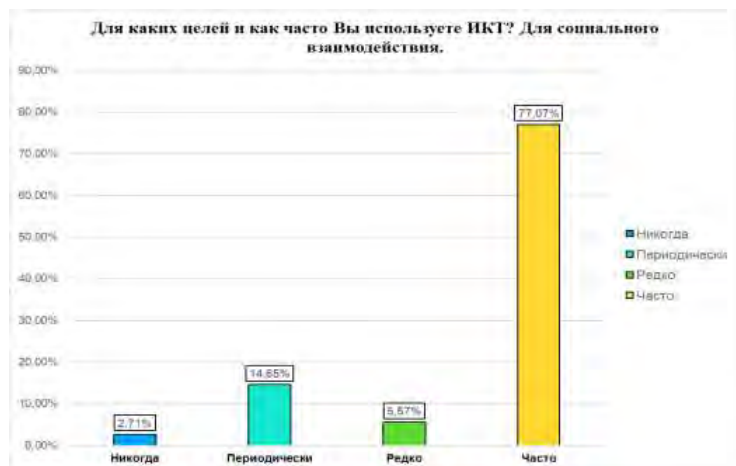
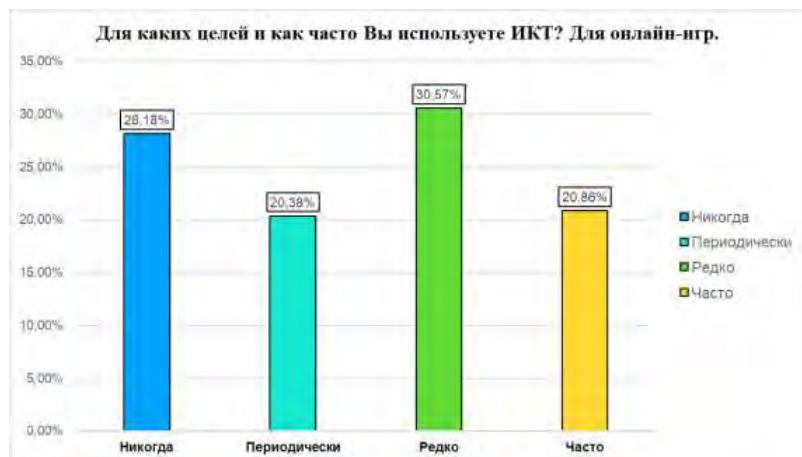


Рис.64

В развлекательных целях, для участия в онлайн-играх, информационно-коммуникационные технологии часто использовали 20,86% респондентов, периодически – 20,38%. Редко к этому обращалось 30,57% опрошенных, никогда – 28,18% молодых людей (Рис. 65).



100

Рис.65

При этом 95,38% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях заказа и покупки продуктов и непродовольственных товаров. 3,5% считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 1,11% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 66).



Рис.66

89,33% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения транспортных услуг. 7,8% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают. 2,87% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 67).

101



Рис.67

92,2% молодых людей считают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях использования услуг и сервисов. 5,25% респондентов считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,55% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 68).



Рис.68

В то же время 93,15% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях бронирования и покупки билетов на различные мероприятия. 4,62% молодых людей считают,

что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,23% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 69).



Рис.69

О наличии у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях совершения электронных платежей заявили 93,95% молодых людей. 3,98% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 2,07% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 70).



Рис.70

83,76% молодых людей заявили, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях проведения финансовых операций. 9,87% респондентов

сообщили, что такими компетенциями и навыками не обладают, 6,37% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос (Рис. 71).

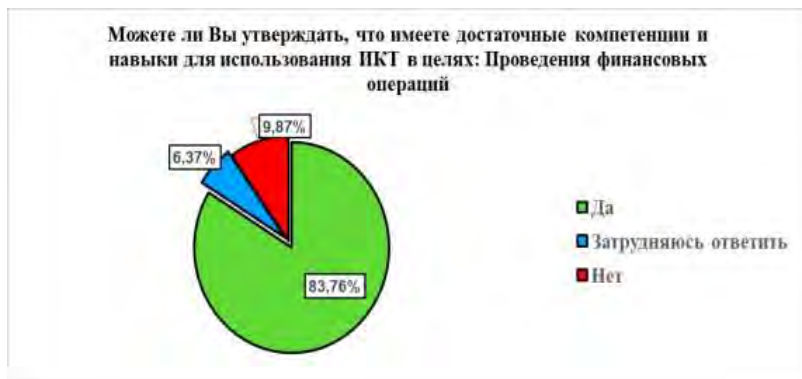


Рис.71

93,31% респондентов позиционируют себя как лиц, обладающих достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях регистрации на сайтах Госуслуг и других официальных сайтах. 3,98% молодых людей утверждают, что не имеют таких компетенций и навыков. 2,71% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос (Рис. 72).

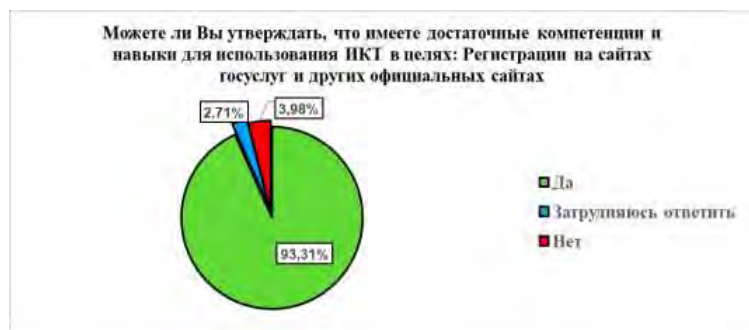


Рис.72

В то же время 78,82% опрошенных утверждают, что они обладают достаточными компетенциями и навыками для использования информационно-коммуникационных технологий в целях поступления в высшее учебное учреждение. 10,99% молодых людей заявили, что у них нет таких компетен-

ций и навыков, 10,19% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 73).

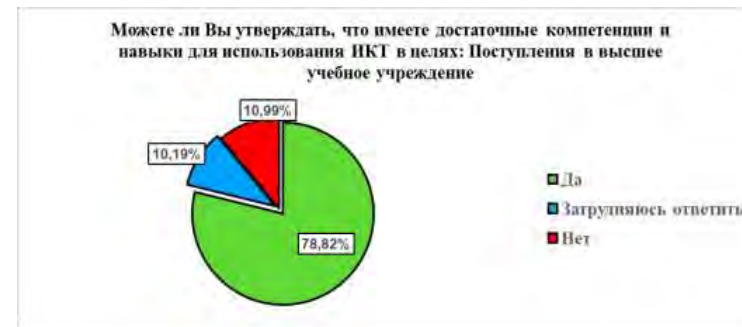


Рис.73

О факте наличия у них достаточных компетенций и навыков для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения среднего образования заявили 72,77% молодых людей. 14,49% участвовавших в опросе считают, что такими компетенциями и навыками не обладают, 12,74% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 74).

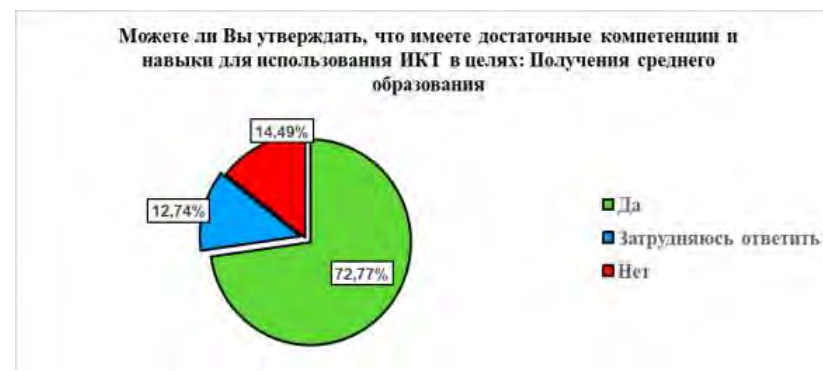


Рис.74

74,36% опрошенных утверждают, что они имеют достаточные компетенции и навыки для использования информационно-коммуникационных технологий в целях получения высшего образования. В то же время, следует отметить, что 14,01% респондентов заявили, что такими компетенциями и

навыками не обладают, что достаточно много, если учесть возрастную специфику опрашиваемых. 11,62% молодых людей затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 75).



Рис.75

О факте наличия у них цифрового капитала – совокупности опыта, цифровых навыков, знаний, компьютерной грамотности и доступности информационно-коммуникационных технологий заявили 75,16% молодых людей. 10,19% участвовавших в опросе считают, что они не обладают цифровым капиталом, 14,65% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 76).



106

Рис.76

В то же время, следует отметить, что только 21,5% респондентов заявили о том, что, по их мнению, в настоящий момент преимущества цифровизации доступны всем гражданам России. Почти две трети молодых людей (65,13%) считают, что преимущества цифровизации в настоящее время не доступны всем гражданам России. 13,38% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос. (Рис. 77).

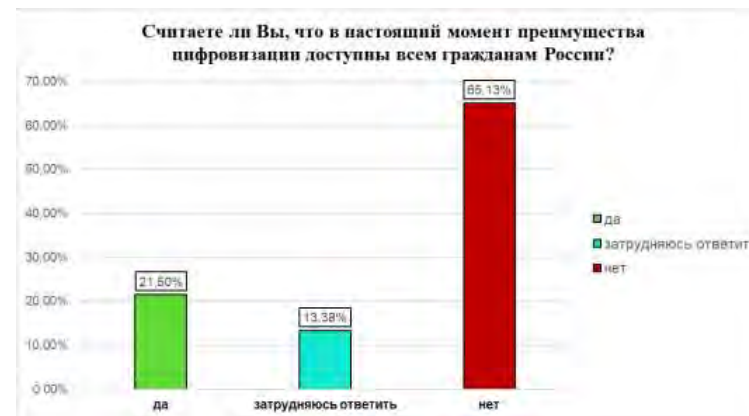


Рис.77

107

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни одна наука не занимается социальными отношениями с той очевидностью как социология, и при этом она затрагивает жизненные интересы людей»<sup>117</sup>. Ни один сложившийся социолог не останется безучастным в отношении неравенства, существующего сегодня в мире, отсутствия социальной справедливости во многих ситуациях или бесправия миллионов людей. Социологический анализ неравенств в эпоху глобализации действительно позволяет сформулировать представления о различных вариантах решения этой социальной проблемы. Многие социологи обсуждают эти варианты и часто выбирают тот, который с их точки зрения является наиболее перспективным для развития общества.

В ряду решений, которые обычно предлагают социологи, следует назвать введение прогрессивных налогов и повышение эффективности деятельности социальных служб. Однако эти решения прямо связаны с экономической политикой государства, поэтому вполне естественно, что представители социологической науки часто не в состоянии обосновать их экономически. Они могут лишь предоставить данные об уровне безработицы, числе бездомных и бедных, их социальном самочувствии, вывести следствия из сложившейся ситуации. Например, показать, как рост безработицы связан с увеличением числа бездомных, стрессами в семьях, ростом преступности, уменьшением расходов на общественные нужды и увеличением затрат на содержание полиции, судей и тюрем. Однако сфера социального управления очень сложна, а конкретные управленческие решения предполагают учет не только социологических данных, но и многих других – экономических, политических, культурных, технических и т.п. факторов.

В данной связи решения, предлагаемые социологами, могут быть очень привлекательными для общества или для его отдельных групп. Но они не

всегда отвечают тем имеющимся экономическим или социально-политическим условиям, сведениями о которых располагают только лица, полномочные принимать непосредственные решения, а часто и конкретным интересам этих лиц.

Однако если общество действительно желает, чтобы социальное неравенство уменьшалось, социология может помочь понять, как это желание реализовать. Прежде всего, социологические исследования позволяют обществу, его гражданам и политикам отчетливо осознать причины глобального социального неравенства и увидеть тенденции его развития и наметить пути смягчения. Социологи в состоянии сформулировать ясное представление о возможных последствиях любой социальной политики в отношении социального неравенства. И оно может стать бесценным как для тех, кто эту социальную политику формулирует, так и для тех, кто пытается ее изменить<sup>118</sup>.

Действительно, жизнь несправедлива по отношению ко многим людям, как живущим в современном мире, так и многим людям на протяжении истории человечества. До сих пор начало жизни множества людей знаменуется осознанием отсутствия достоинства, уважения или средств к существованию, хотя сами они ни в чем не виноваты. Они просто родились бедными в бедной стране, или среди людей, которые подвергаются дискриминации и т.п. Другими словами, они просто родились в уже готовой социальной системе. Эта социальная система, в каком-то смысле, нивелирует любую попытку, направленную на достижение таких целей, как равные возможности, удовлетворение основных потребностей, уважительное отношение, перераспределение ресурсов с тем, чтобы люди могли вести достойный образ жизни. И, до тех пор, пока существует определенная социальная система, также будут существовать социальные и личные проблемы, из нее вытекающие.

Люди сами создали социальную систему, в которой живут, которая привела к существующим на сегодняшний день социальным неравенствам,

<sup>118</sup> Berger P.L., Kellner H. *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. Garden City, New York, 1981. P. 76.

<sup>117</sup> Bourdieu P. *Metier de Sociologue*. Paris, 1968. P. 69.



без понимания его разрушительного воздействия на общество в целом или на отдельные группы людей в частности. Но они также в состоянии эту систему изменить. Однако для того, чтобы изменения действительно имели заданную и устойчивую позитивную направленность, сначала следует определить тот тип социальной системы, которая будет приемлема для всех или почти для всех, а также сможет служить руководством для будущих обществ.

Следует согласиться с тем, что «люди сами создали то неравенство, которое имеют, но они также в состоянии его смягчить. С неравенством нельзя мириться, важно определить, в каких границах его можно иметь»<sup>119</sup>.

Если вести речь о той социальной системе, в которой социальные неравенства могут быть устранены или существенно смягчены, то социологи должны найти ответы на вопросы: Какая социальная структура является справедливой? Какая социальная структура является человеческой? Какая социальная система наделит всех равными или почти равными возможностями? Какая социальная структура поможет людям удовлетворять свои потребности? Какая социальная структура предоставит людям значительную степень свободы?

Сегодня социологи, более чем когда-либо в истории человечества, располагают наиболее ясной и всесторонней картиной того, что происходит в социальной жизни, чем когда-либо в истории. Ими создана значительная база данных о социальных неравенствах, показано множество социальных примеров и моделей поведения в них. Одной из таких моделей является инфологическая модель, разработанная доцентом социологического факультета МГУ Г.Б. Прончевым и описывающая социальное неравенство.

Согласно Г.Б. Прончеву, предложенная модель предполагает:

– выделение неравенства в двух формах: витальное и экзистенциальное;

– витальное неравенство определяется степенью воздействия существующих рисков и доступностью ресурсов по их преодолению или нивелированию;

– экзистенциальное неравенство определяется через возможность участия в нормативно-предписанных видах деятельности, уровень которого определяется через соответствующие социальные практики, основанные на таких факторах, как: материально-техническая база, уровень цифровизации, информированной компетентности и мотивации.

Схематично предложенную модель можно представить в виде рис. 78.



Рис. 78. Схема социального неравенства.

Г.Б. Прончевым также была проведена математическая формализация предложенной инфологической модели, алгоритмизация расчетов по предложенной модели и проведение вычислительных экспериментов с целью апробации предложенной модели.

Обобщая, предложенную схему «социального неравенства» можно представить в виде системы уравнений:

<sup>119</sup> Crone J. How Can We Solve Social Problems? A Sage Publication Company: California: Thousand Oaks, 2007. P. 47.

$$I = V(R) + E(S)$$

$$R = D(g, h) - M(P)$$

где:

I - социальное неравенство,

V - витальное неравенство,

E - экзистенциальное неравенство,

R - риск,

S - социальные факторы,

D - наличие опасностей,

g - эндогенные факторы,

h - экзогенные факторы,

M - возможность минимизации негативных последствий,

P - ресурсы для минимизации негативных последствий.

По аналогии с используемыми на практике математическими моделями, включающими в себя параметры антагонистического характера<sup>120</sup>, примем, что зависимость риска от неравенства имеет квадратичный характер, зависимость от социальных факторов – квадратичный. Далее, пусть наличие опасностей – это сумма опасностей, обусловленных экзогенными и эндогенными факторами, при этом зависимость от экзогенных факторов носит квадратичный характер, зависимость от эндогенных – линейный. Возможность минимизации негативных последствий имеет линейную зависимость от ресурсов.

В соответствии с вышесказанным, в качестве функций, влияющих на риск, и, как следствие, на социальное неравенство, рассмотрим следующие:

$$V(R) = k_R R^2$$

$$E(S) = k_S S^2$$

<sup>120</sup> См. например, Петров А.П., Прончева О.Г. Стационарные состояния в модели выбора позиций индивидами // Журнал вычислительной математики и математической физики. – 2020. – Т. 60, № 10. – С. 1795–1804.

$$D(g, h) = k_g g^2 + k_h h$$

$$M(P) = k_P P$$

Здесь  $k_R$ ,  $k_S$ ,  $k_g$ ,  $k_h$ ,  $k_P$  – коэффициенты (веса), отвечающие за значимость того или иного параметра.

Вычислительные эксперименты были проведены с помощью программ, написанных на языке «Python». Ниже приводим пример программы, написанной для реализации эксперимента по влиянию наличия опасностей на социальное неравенство ( $h = 2$ ,  $g = 0.5$ ).

```
import numpy as np
from scipy.integrate import odeint
import matplotlib.pyplot as plt
import math
from mpl_toolkits.mplot3d import Axes3D
from matplotlib import cm
```

```
kr=1;
ks=1;
kg=1;
kh=1;
kp=1;
h=2;
g=0.5;
xx=np.linspace(-2, 2, 101);
P=1;
yy=np.linspace(-2, 2, 101);
S=1;
```

```
x, y = np.meshgrid(xx,yy)
```

```
f1 = lambda x, y: kg*g**x+kh*h**y-kp*P
f2=lambda R: kr*R**2+ks*S**2
```

```
R=f1(x,y)
I=f2(f1(x,y))
```

```
plt.rcParams['font.size']=18
```

```
fig = plt.figure()
axes = Axes3D(fig)
axes.plot_surface(x, y, I, rstride=2, cstride=2, cmap = cm.plasma)
axes.set_xlabel(r'$\alpha$')
axes.set_ylabel(r'$\beta$')
```

plt.show()

Зафиксируем все параметры, кроме одного на уровне  $k = 1$ . После этого оставшийся параметр будем варьировать от 0 до 10 и посмотрим на зависимость исследуемых функций.

В качестве факторов будем использовать один агрегированный фактор, равный 1.

Таким образом, продолжает Г.В. Прончев, как показывает численное моделирование, при увеличении значимости эндогенных и экзогенных факторов растёт как риск, так и социальное неравенство, при увеличении значимости риска и социальных факторов растёт только социальное неравенство, а при увеличении значимости ресурсов для минимизации негативных последствий уменьшается и риск, и социальное неравенство.

Исследуем теперь зависимость «социального неравенства» от экзогенных и эндогенных факторов. При этом параметры будем менять от -10 до 10. Отрицательные значения факторов означают, что они способствуют уменьшению риска. На рисунке 79 приведена иллюстрация вычислительного эксперимента.

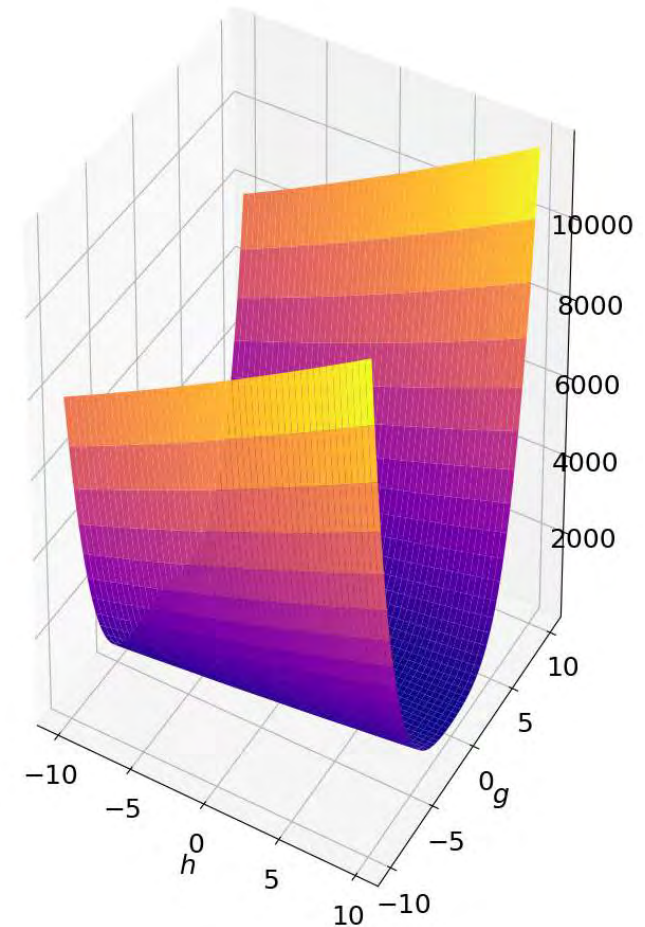


Рис. 79. Зависимость «социального неравенства» от экзогенных ( $h$ ) и эндогенных ( $g$ ) факторов.

Далее, исследуем влияние вида зависимости неравенства от экзогенных и эндогенных факторов более подробно. Итак, пусть теперь все вышеперечисленные функции останутся прежними, кроме  $D(g, h)$ . Примем  $D(g, h) = k_g g^\alpha + k_h h^\beta$ . В первой серии экспериментов Зафиксируем  $g = h = 2$  и рассмотрим социальное неравенство как функцию от  $\alpha, \beta$ . При этом отрицательные

значения переменных говорят о том, что фактор способствует уменьшению риска и, как следствие социального неравенства.

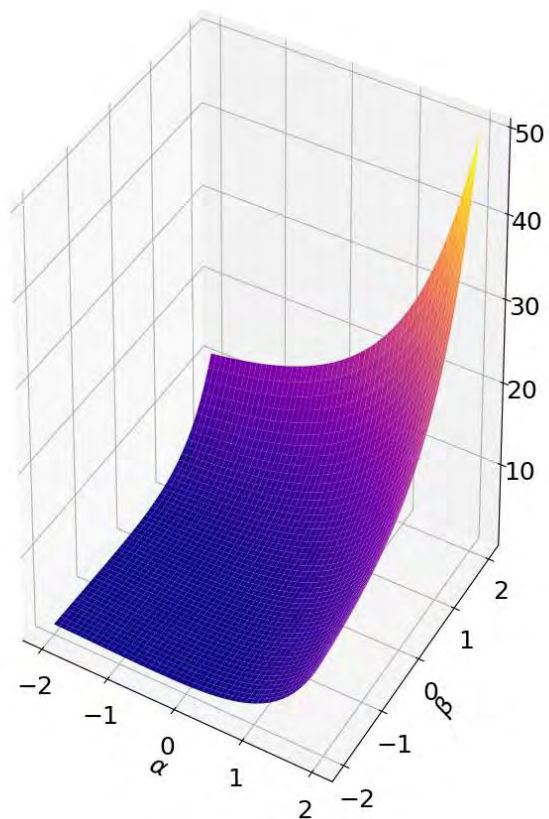


Рис. 80. Влияние наличие опасностей  $D(g, h)$  на «социальное неравенство ( $g = h = 2$ ).

Зафиксируем теперь  $h = 2$  и  $g = 0.5$  и проведём тот же эксперимент. В этом случае положительные степени  $g$  означают положительное влияние этого фактора на риск (в том смысле, что он способствует уменьшению риска и, как следствие, социального неравенства).

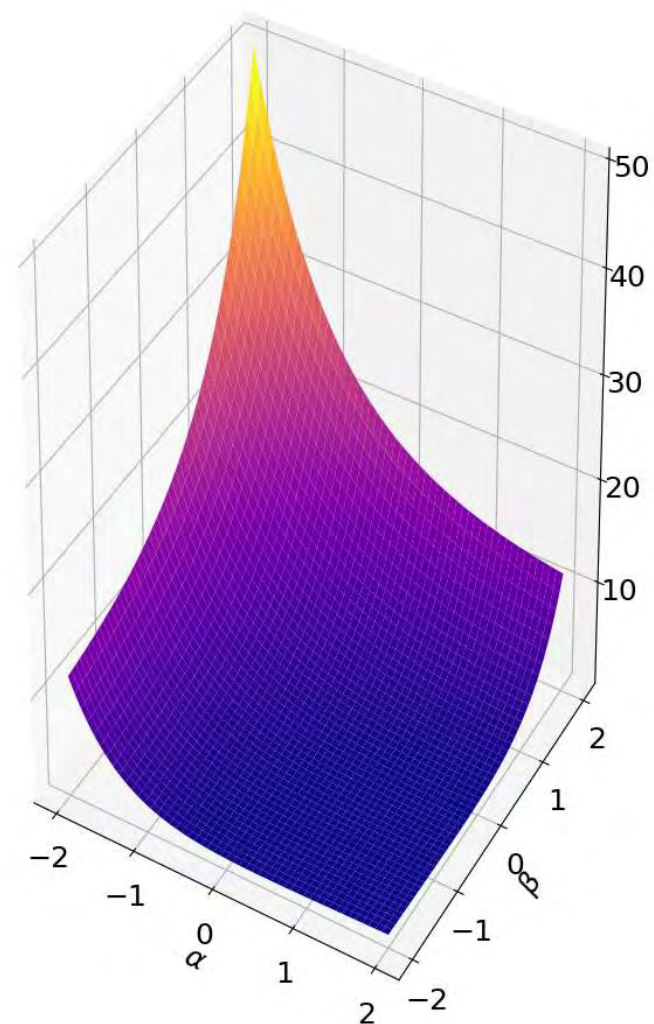


Рис. 81. Влияние наличие опасностей  $D(g, h)$  на «социальное неравенство ( $h = 2, g = 0.5$ ).

Исследуем теперь зависимость социального неравенства от ресурсов и их значимости. Пусть  $M(P) = kPP\alpha$ .

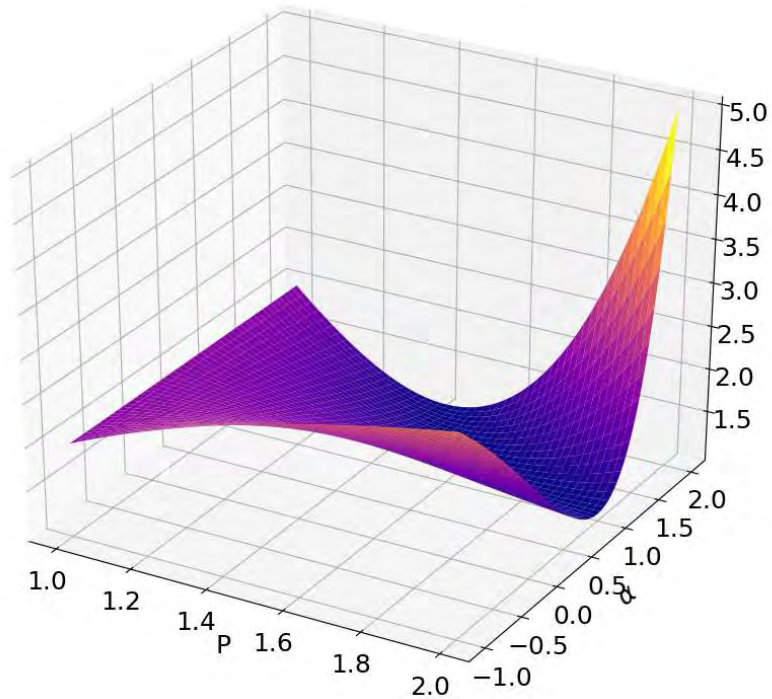


Рис. 82. Влияние зависимости возможности минимизации негативных последствий  $M(P) = k_P P^\alpha$  от ресурсов на неравенство.

Наконец, исследуем зависимость от социальных факторов и их значимости. Пусть  $E(S) = k_S S^\alpha$ .

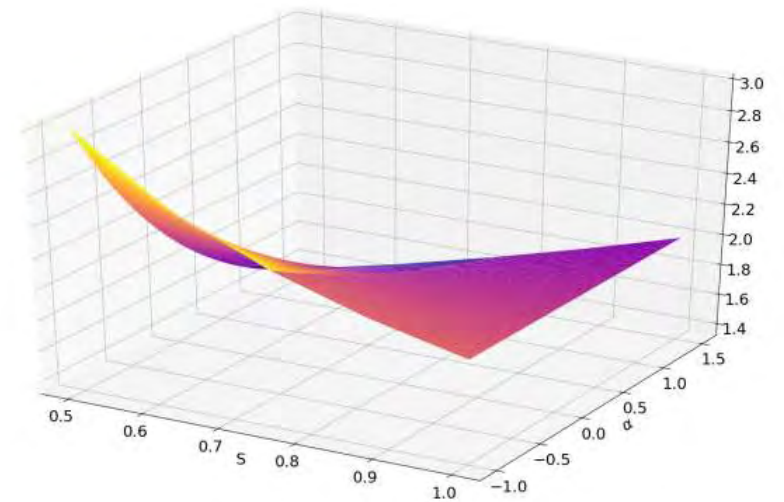


Рис. 83. Влияние зависимости от социальных факторов и их значимости. ( $E(S) = k_S S^\alpha$ ).

Итак, можно констатировать, что модель правильно описывает качественное поведение системы. Для дальнейшего «улучшения» модели необходимо привлечение эмпирических данных.

В целом сегодня стало очевидным, что «социология не только может, но и должна играть важную роль в их устранении социального неравенства.

Научное издание

**Н.Г. ОСИПОВА, С.О. ЕЛИШЕВ**

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО  
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В  
РОССИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ**

**(АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ  
ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Издается в авторской редакции



Подписано в печать 08.12.2020. Формат 60x90 1/16.  
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,5.  
Тираж 500 экз. (Первый завод 25 экз.) Заказ № 469.